

ДУХОВНИК ПРЕЗИДЕНТА

{ РАССКАЗЫ О СВЯЩЕННИКАХ,
ПОВЛИЯВШИХ НА УМЫ И ДУШИ
ПРАВИТЕЛЕЙ РОССИИ }

Религия. Рассказы о духовной жизни

Духовник президента. Рассказы о священниках, повлиявших на умы и души правителей России

«ЭКСМО»

2016

УДК 281.93
ББК 86.372

Духовник президента. Рассказы о священниках,
повлиявших на умы и души правителей России / «Эксмо»,
2016 — (Религия. Рассказы о духовной жизни)

Всегда в истории России духовники влияли на умы и души правителей, участвовали во всех главных событиях жизни государя и его семьи. Когда для государства наступали драматические дни, в самые напряженные и судьбоносные моменты правители России обращались к духовникам за благословением и наставлением, чтобы спасти Отечество и народ. Эта книга призвана представить традицию обращения первых лиц Российского государства к духовным наставникам в исторической перспективе и сегодня, когда высшую государственную должность в Российской Федерации занимает православный верующий.

УДК 281.93
ББК 86.372

, 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Предисловие	6
Духовники великих князей	9
Симеон Гордый и преподобный Стефан	10
Духовники великого князя Дмитрия Донского	16
Князь-слепец и его проводник к духовному свету	26
Иван Великий и архиепископ Вассиан	31
Духовники русских царей	35
Наставники грозного царя	36
Последний Рюрикович. Царь Феодор Иоаннович	50
Царь и патриарх	54
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Духовник президента: рассказы о священниках, повлиявших на умы и души правителей России

Автор-составитель Владимир Зоберн

Допущено к распространению Издательским Советом Русской Православной Церкви
Номер ИС Р16-602-0058

Предисловие

В 1917 году в России прервалась почти тысячелетняя преемственность правителей страны, которые являлись бы православными христианами. И в этом смысле сейчас связь времен восстановлена в личности нынешнего президента.

Епископ Тихон (Шевкунов)

Со времени правления великого князя Василия III духовниками русских царей были настоятели Благовещенского собора Московского Кремля.

Духовники влияли на умы и души царей, участвовали во всех главных событиях жизни государя и его семьи: венчании на царство, наречении имени и крещении его детей, погребении. До середины XVI века царский духовник участвовал в заседаниях Боярской думы.

К митрополиту Афанасию, главе Русской Церкви, до этого бывшему «протопопом Андреем», духовником Иоанна Грозного, обращались во время опричнины московские опальные обитатели с просьбами, чтобы «государь и великий князь гнев свой отвратил, милость показал и опалу свою отдал...»

Интересна личность протопресвитера Василия Борисовича Бажанова, духовника трех русских императоров: Николая I, Александра II и Александра III. Все три императора, его духовные чада, соответствовали образу русского православного государя. Они руководствовались в своих действиях не только законами гражданскими, но и Законом Божиим.

В 1859 году вышла его книга «Обязанности государя», по сути – «Царский катехизис» трех поколений русских императоров.

Слова из книги протопресвитера Василия Борисовича Бажанова «Обязанности государя» звучат весьма современно:

«Уважай закон и научи уважать его своим примером: закон, пренебрегаемый царем, не будет храним и народом. Люби и распространяй просвещение: оно – сильнейшая подпора благонамеренной власти; народ без просвещения есть народ без достоинства. Люби свободу, то есть правосудие, ибо в нем и милосердие царей и свобода народов. Владычествуй не силою, а порядком: истинное могущество государей не в числе его воинов, а в благоденствии народа. Будь верен слову: без доверенности нет уважения, неуважаемый – бессилен. Окружай себя достойными тебя помощниками: слепое самолюбие царя, удаляющее от него

людей превосходных, предаёт его на жертву корыстолюбивым рабам, губителям его чести и народного блага. Уважай народ свой: тогда он сделается достойным уважения».

* * *

Царские духовники получали денежное жалованье, а также земли во владение. Духовник государя Алексея Михайловича, протопоп Стефан Вонифатьев, владел собственностью в 22 двора с 43 душами, а духовник императрицы Елизаветы Петровны протопоп Федор Дубянский владел 8000 крестьян.

Во время правления императора Петра I его духовник Феофан Феофилактович получил сан протопресвитера. Отныне этот сан носили все царские духовники.

После переноса столицы из Москвы в Санкт-Петербург царские духовники, не переставая быть настоятелями Благовещенского собора в Москве, исполняли обязанности протопресвитеров Петропавловского собора в Санкт-Петербурге. С 1774 года духовник государя был постоянным членом Святейшего Синода Русской Православной Церкви.

В 1910 году старинная традиция, когда настоятель Благовещенского собора был духовником царя, прервалась со смертью протопресвитера Иоанна Янышева. Он был духовником двух императоров – Александра III и святого страстотерпца Николая II.

Последним царским духовником – святого императора Николая II и его семьи – был Александр Петрович Васильев, настоятель придворного собора Спаса Нерукотворного Образа в Зимнем дворце. Протоиерей Александр преподавал Закон Божий царским детям.

В письмах супругу, императору Николаю II, государыня Александра Федоровна называет своего духовника «Батюшкой». «Хотела бы, чтобы ты причастился, и Батюшка думает то же самое»;

«Батюшка принес Бэби (царевичу Алексею. – *Прим. Авт. – сост.*) Св. Причастие».

В августе 1918 года в Петрограде батюшку арестовали, а вскоре Совет Народных Комиссаров принял постановление «О красном терроре». 5 сентября 1918 года тяжело больной протоиерей Александр Васильев был расстрелян.

* * *

Духовник был и у Верховного правителя России адмирала Александра Васильевича Колчака – будущий священномученик, архиепископ Омский Сильвестр (Ольшевский).

Когда адмирал Колчак пришел к власти, архиепископ Сильвестр 29 января 1919 года привел его к присяге как Верховного правителя России.

В конце 1919 года Белая армия покинула Омск, в который вскоре вошли большевики. Архиепископ Сильвестр остался в захваченном безбожниками городе вместе со своей паствой. Большевики арестовали его и заключили в тюрьму, где в течение двух месяцев истязали, требуя, чтобы он отрекся от христианской деятельности. Священномученик отказался, и тогда гонители христианства прибили его руки гвоздями к полу и, так распяв, раскаленным докрасна шомполом пронзили сердце.

* * *

И у генерала Петра Николаевича Врангеля, правителя Юга России и Главнокомандующего Русской армией, был духовник – епископ Вениамин (Федченков), будущий митрополит. Владыка благословил Врангеля на принятие тяжелой ноши власти и впоследствии неоднократно выезжал с ним на фронт, на передовую, бывал под обстрелом противника.

Петр Николаевич Врангель вспоминает:

«Я преклонил колено. Владыка благословил меня. Тяжелый камень свалился с сердца. На душе просветлело, и я, спокойно решившись покориться судьбе, вернулся в Большой дворец».

Митрополит Вениамин (Федченков) пишет о тех событиях:

«Всякому понятно, что я встал на сторону белых, а не красных. Все белое было мне знакомым, своим прошлым, а главное – религиозным. Прошло еще с полгода, пришел к власти генерал Врангель, и он сам просил меня возглавить духовенство армии и флота Русской армии. Мое желание сбылось: я вошел активным членом в белую семью героев».

Жизнь митрополита Вениамина (Федченкова) закончилась в Псково-Печерском монастыре после долгих странствий по миру.

* * *

У В. И. Ленина в Симбирской классической гимназии был духовник: законоучитель присматривал за тем, чтобы учащиеся исповедовались и причащались. И, конечно, у Сталина в Тифлисской духовной семинарии, славившейся «бунтарскими» традициями, тоже был духовник (по некоторым источникам, это был настоятель Новоафонского монастыря). Но эти два правителя предпочли духовной брани – революционную борьбу.

* * *

И несколько слов о президенте Б. Н. Ельцине.

«Молюсь о новопреставленном, дабы Господь упокоил душу его в обителях небесных и сотворил ему вечную память», – говорится в соболезновании Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Борис Ельцин «прошел путь от атеиста до верующего человека», – сказал в интервью ИТАР-ТАСС 24 апреля 2007 года руководитель пресс-службы Московской Патриархии, священник Владимир Вигилянский.

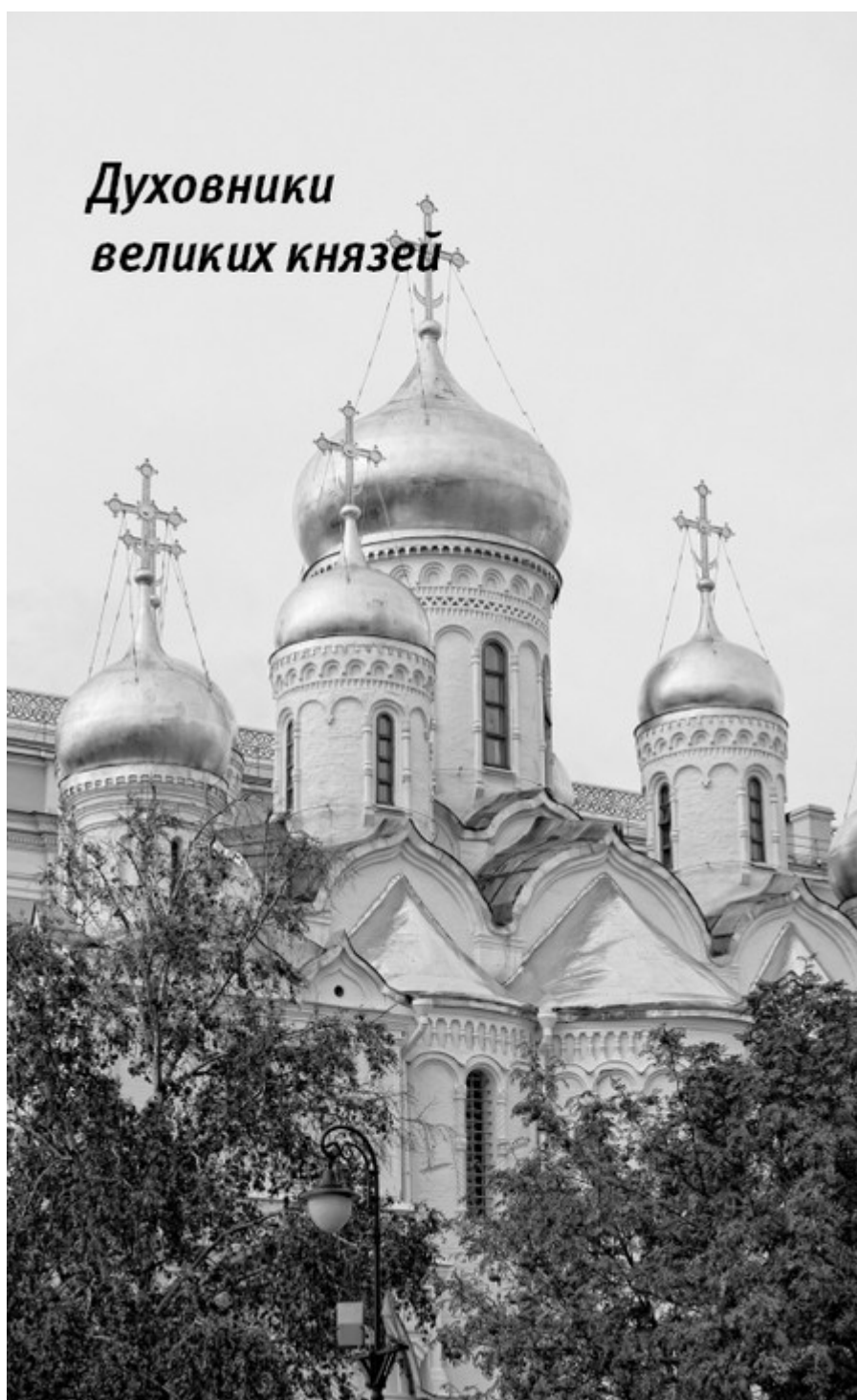
* * *

В заключение скажем о президенте Владимире Путине и епископе Тихоне (Шевкунове).

О президенте Путине архимандрит Тихон (Шевкунов) сказал:

«В 1917 году в России прервалась почти тысячелетняя преемственность правителей страны, которые являлись бы православными христианами. И в этом смысле сейчас связь времен восстановлена в личности нынешнего президента. Владимир Владимирович Путин – действительно православный христианин, и не номинальный только, а человек, который исповедуется, причащается и сознает свою ответственность пред Богом за вверенное ему высокое служение и за свою бессмертную душу. Бремя задач, тяжесть проблем, мера ответственности, которые взял на себя этот человек, поистине громадны. Тот, кто по-настоящему любит Россию и желает ей блага, может только молиться за Владимира Владимировича, Промыслом Божиим поставленного во главе России».

Духовники великих князей

Симеон Гордый и преподобный Стефан

Великий князь Симеон, по прозвищу Гордый

Век XIV на Руси – противоречивое, сложное и очень интересное время. Перед Русью, раздробленной на отдельные княжества, остро встала необходимость образования единого неделимого центра, и на эту роль претендовали два княжества – Тверское и Московское. Великие московские князья – предтечи русских царей, и тем сложнее приходилось священнослужителям, бывшим их духовниками. Ведь их роль выходила за рамки духовного окормления, поскольку в те времена правители брали благословение на все свои дела, в том числе и те, что касались управления государством.

Поначалу маленькая Москва в землях великого княжества Владимирского считалась наследством незавидным. Она досталась в удел младшему сыну великого князя Александра Невского – Даниилу, но Божие благословение было на этом кротком правителе. Святой благоверный князь Даниил Московский укрепил свой удел. Его сыновья, Юрий и Иван, по прозвищу Калита, продолжили дело отца – расширили и значительно усилили Московское княжество. Они уже имели достаточно сил, чтобы вступить в борьбу с тверскими князьями. Соперничество переходило по наследству с той и с другой стороны. Немало князей сложили головы в этой борьбе. И трудно сказать, чем бы разрешился спор, имевший для России жизненно важное значение, если бы москвичей уверенно не поддержала Русская Православная Церковь.

Одним из тех, кому суждено было внести немалый вклад в возвышении Москвы над Тверью, стал великий князь Московский Симеон Иванович, по прозвищу Гордый (1317–1353). После смерти отца, Ивана Даниловича Калиты, чья мудрая политика укрепила авто-

ритет Москвы, он получил по завещанию 26 городов и селений. Среди них были такие важные города, как Москва, Коломна и Можайск.

В то время Русь еще находилась под властью монголо-татар, и потому никто из правителей не мог стать великим князем, не получив в Орде ярлыка на княжение. После смерти Ивана Калиты русские князья отправились в Орду, но они не могли соперничать с богатым и сильным московским князем Симеоном Гордым, который без труда получил от хана Узбека ярлык на великое княжение. Историк В. И. Татищев писал, что Симеон Гордый, созывая русских князей для своих целей, напоминал им, что Русь лишь тогда была сильной и славной, когда князья беспрекословно повиновались старшему. С братьями великий князь заключил договор: «Быть им за один до живота и безобидно владеть каждому своим», однако летописцы отмечали, что князь Симеон Иванович сурово обходился с подвластными ему князьями, оттого его и прозвали «Гордым».

«Московские владетели, на чьи плечи пало бремя собирания Руси, не были ни праведниками, ни злодеями: они стали исполнителями велений времени. Шли на преступления, когда этого требовала политика, замарывали себя нечистыми делами, каялись, строительством храмов и благотворением испрашивали милости Господней. Князь Симеон Иоаннович недаром носил прозвище “Гордый”...» (Н.Иртенина. Стефан, брат Сергия).

«Как и его отец, Симеон был очень противоречивым человеком, – пишет историк Н. С. Борисов. – Жестокий и беспощадный как правитель, он смотрел на свою деятельность как на служение “высшим интересам” и потому надеялся на оправдание на Страшном суде. Князь верил в то, что московское домостроительство угодно самой Богородице» (Н. С. Борисов. Сергей Радонежский).

Князь Симеон Гордый продолжил политику укрепления и возвышения Москвы, расширив территорию Московского княжества. В его правление Московская земля отдохнула от войн. Пять раз за свою жизнь князь ходил в Орду и всегда возвращался оттуда пожалованный ханом. И в его княжение не было слышно о татарских набегах и насилиях. Удельные князья повиновались Симеону, считали судьей в разрешении споров.

Несмотря на удачливость в государственных делах, в семейной жизни Симеон Гордый хлебнул много горя – все его дети умирали в раннем возрасте. Сам великий князь скончался в возрасте 36 лет от чумы, перед смертью приняв постриг с именем инок Созонта. Он был похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля.

Святой брат преподобного Сергия

Кто же был духовником великого князя Симеона – этого сильного, умного, незаурядного человека? Кому гордый князь исповедовал прегрешения, открывал свои мысли и чаяния?

Это был человек также необыкновенный, много потрудившийся в своей жизни и для Бога, и для зарождающегося Российского единого государства, хотя личность этого духовного мужа и сокрыта в тени другого великого святого. Это преподобный Стефан Московский, старший брат преподобного Сергия Радонежского – игумена земли Русской. Известно о нем крайне мало, и жития этого святого не существует, хотя инок Стефан стоял вместе с братом у истоков Троицкой обители, был духовником великого князя Симеона, другом и единомышленником митрополита всея Руси Алексия, настоятелем столичного Богоявленского монастыря.

Стефан родился около 1310 года, он был старшим сыном в благочестивой семье ростовских бояр. «Он лучше, чем младшие братья, знал жизнь в достатке боярского дома: хорошие одежды, дядька-воспитатель, собственный конь (ходить пешком по городу боярскому сыну не положено), упражнения с оружием для будущего воина, естественное честолюбие

юного боярича. Но с годами достаток скудел, никло боярское достоинство, таяли надежды на почетную службу ростовскому князю.

Боярскому сыну оставалось лишь одно поприще, на котором можно было достичь высот: книжное учение. Ростов являлся одной из духовных столиц Северо-Восточной Руси, сохранившей многое из домонгольской поры. При архиерейском дворе в стенах монастыря Григория Богослова находилось учрежденное за век до того училище, своеобразная духовная академия того времени. Из его стен позднее выйдут такие высокообразованные подвижники, как писатель Епифаний Премудрый (автор жития Сергия Радонежского) и Стефан Пермский. Монастырь и училище имели богатую библиотеку, здешняя братия славилась церковным пением на греческом. Возможно, именно здесь Стефан обучился этому языку, а также богословским премудростям, что позволило ему позже войти в круг высшего московского духовенства» (Н.Иртенина. Стефан, брат Сергия).

Около 1328 года обедневшая семья преподобного Стефана переселилась из Ростова в Радонеж. Незадолго до смерти его родители, Кирилл и Мария, приняли схиму в Покровском Хотьковом монастыре, неподалеку от Радонежа – древнейшей подмосковной обители, которая состояла тогда из мужской и женской частей. Здесь же постригся в монахи и сам Стефан. Его жена Анна рано умерла, оставив ему двоих сыновей – Климента и Иоанна, и эта смерть стала поворотным событием в жизни Стефана – он решил отречься от всего мирского.

После смерти родителей к нему в обитель пришел младший брат Варфоломей, которому в будущем суждено было стать великим святым Сергием Радонежским, и призвал к невиданному в те времена на Руси духовному подвигу – пустынножительству. Стефан согласился, ушел из монастыря, и братья поселились в десяти верстах от Радонежа, в глухом лесу на горе Маковец у речки Кончуры.

«Они исходили много лесов и, наконец, пришли в одно пустынное место в чаще леса, где был источник воды. Братья обошли то место и полюбили его, ибо Бог направлял их. Помолвившись, они начали своими руками рубить лес и на своих плечах приносили бревна на выбранное место. Сначала братья сделали себе хижину для ночлега, с чуланом, и устроили над ней крышу, потом построили келию, огородили место для небольшой церковки и срубили ее. Когда была завершена постройка церкви и пришло время освящать ее, блаженный юноша сказал Стефану: “Поскольку ты мой старший брат по рождению и по плоти, но более по духу, мне следует слушаться тебя, как отца. Сейчас мне не с кем советоваться обо всем, кроме тебя. Усердно молю тебя ответить на мой вопрос: вот, церковь уже поставлена и закончена, пришло время освящать ее; скажи мне, в день какого святого будет престольный праздник нашей церкви, во имя какого святого освящать ее?”» (Преподобный Епифаний Премудрый. Житие преподобного Сергия).

Именно Стефан предложил, отвечая на вопрос брата, освятить новый храм во имя Пресвятой Троицы – ему обязана своим наименованием будущая великая Троице-Сергиева лавра. Так в 1337 году было заложено основание знаменитой впоследствии обители.

Именно Стефан предложил освятить новый храм во имя Пресвятой Троицы – ему обязана своим наименованием будущая великая Троице-Сергиева лавра

И все же строгая уединенная жизнь в диком лесу оказалась слишком суровой даже для привыкшего к лишениям монаха. Преподобный Епифаний, жизнеописатель Сергия Радонежского, подробно раскрывает перед читателями все трудности пустынной жизни:

«Стефан, построив и освятив церковь, еще некоторое время прожил в пустыне с братом и увидел, что пустынная жизнь трудна, прискорбна, сурова: во всем нужда, во всем лишения, неоткуда взять ни еды, ни питья, ни чего-либо другого нужного для жизни. К тому месту не было ни дорог, ни привоза ниоткуда, вокруг этой пустыни поблизости не было ни сел, ни домов, ни людей, живущих в них; не вела туда никакая тропа людская, и не было ни прохожих, ни посетителей, но вокруг со всех сторон стоял лес – безлюдная чаща и глушь. Глядя на нее и тяготясь своей жизнью, Стефан оставил пустыню и родного брата, преподобного пустыннолюбца и пустынножителя, и ушел оттуда в Москву».

Но, возможно, как отмечает доктор исторических наук Н. С. Борисов, в этом заключалась лишь часть правды – главным же было то, что Стефан искал возможности учиться, находясь среди людей.

«Отшельническое житие на Маковце было для него не конечной целью, а лишь ступенью на пути укрепления духа. После Маковца он пришел в Москву не как безвестный монах из мирского Хотьковского монастыря, а как отшельник, закаливший дух в борьбе с демонами пустыни. Таков был путь самого Иисуса: после сорокадневного искушения дьяволом в пустыне он вернулся к людям “в силе духа” (Лк. 4:14). <...> Судьба Варфоломея постоянно переплеталась с судьбой его брата Стефана. Каждый из них без участия другого едва ли стал бы тем, кем он стал. Столь разные по характеру, они дополняли друг друга, как Петр и Павел. Оба они ощущали в себе нечто апостольское. <...> Уход Стефана с Маковца Варфоломей отнюдь не воспринял как предательство или же просто малодушие. Вероятно,

он успокоил себя простым объяснением: Стефан последовал своему призванию, о котором доподлинно знает один лишь Господь» (Н. С. Борисов. Сергей Радонежский).

«Придя в город, – продолжает преподобный Епифаний, – Стефан поселился в монастыре Святого Богоявления, где нашел себе келию, и жил там, весьма преуспевая в добродетели: он был трудолюбив, проводил в своей келии суровую, постническую жизнь, не пил пива и носил скромную одежду. В то время в Богоявленском монастыре жил митрополит Алексей, который еще не был поставлен в митрополита, но с честью проходил путь иноческой жизни. Они со Стефаном жили общей духовной жизнью и в церкви оба пели на клиросе, стоя рядом...

Когда великий князь Симеон узнал о Стефане и его добродетельной жизни, он повелел митрополиту Феогносту поставить Стефана в пресвитеры – облечь в священнический сан, – а потом велел поручить ему игуменство в том монастыре и взял его себе духовным отцом; так же поступили Василий, тысяцкий; Феодор, брат его, и другие знатнейшие бояре, один за другим» (Преподобный Епифаний Премудрый. Житие преподобного Сергия).

Так благочестивый, богато одаренный Господом инок стал духовным отцом великого князя, на плечах которого лежало тяжкое бремя государственной власти.

Духовник великого князя

«В средневековой Руси, – пишет Н. С. Борисов, – каждый человек должен был иметь “духовного отца” – священника, которому он исповедовался, который назначал “епитимию” – ту или иную форму покаяния за открытые на исповеди грехи. Только после исповеди и отпущения грехов верующий допускался к причастию.

Далеко не каждый священник мог исполнять обязанности духовника. Для этого требовалось особое разрешение епископа. Считалось, что лучшие духовники – иеромонахи. Они “ближе к Богу”, их молитва о духовном сыне более “доходчива”. Монахи лучше, чем “бельцы”, умели хранить тайну исповеди» (Н. С. Борисов. Сергей Радонежский).

Служение великокняжеского духовника было делом почетным, но и очень тяжелым. Став духовником такого человека, как Симеон Гордый, Стефан оказался в самом центре драматических событий 40-х годов XIV века. «Он видел, – по словам Н. С. Борисова, – скрытую для других постоянную борьбу между совестью и политическим расчетом, происходившую в сознании его духовного сына».

«Около 1347 г. над головой Стефана разразилась буря. Великий князь Симеон Иванович задумал вступить в третий брак, против которого решительно восстал митрополит Феогност. Стефан, как духовное лицо, должен был встать на сторону митрополита, но он поддержал князя. Невеста была из тверского княжеского дома, и этот брак должен был содействовать московской объединительной политике, примирению давно соперничавших Москвы и Твери. Стефан в этой истории – не только духовник, но и самостоятельный политик.

В отсутствие Феогноста Симеон Гордый обвенчался с избранницей. Дело было рискованное, все участники его подпадали под церковное наказание вплоть до отлучения от причастия. Стефан, как наиболее ответственное в этом лицо, и пострадал более всех. Он лишился должности Богоявленского игумена и статуса княжеского духовника. Вероятно, митрополит в гневе выслал его из Москвы» (Н.Иртенина. Стефан, брат Сергия).

В то время вокруг Троицкой церкви, построенной святыми Стефаном и Сергием некогда в лесу, образовался монастырь. Узнав об иноке, несущем подвиг пустынножительства, к нему стали присоединяться единомышленники, и Сергей, хотя и стремился к молитвенному уединению, не мог прогнать желавших разделить с ним трудный духовный подвиг. «Каждый из них построил для себя отдельную келию, и жили они для Бога, глядя на жизнь преподоб-

ного Сергия и ему по мере сил подражая», – пишет преподобный Епифаний. В Троицкий монастырь и пришел Стефан, когда был вынужден удалиться из Москвы.

«В житии Сергия есть мотив своенравия Стефана. Многие считают, что он завидовал богоизбранности своего младшего брата. Однажды Сергей услышал, как брат воскликнул: “Кто здесь игумен? Не я ли был на этом месте прежде него?” Никаких распрей не было, просто Сергей на несколько лет ушел из Троицкой обители. Уступил монастырь старшему брату. Этот эпизод Епифаний Премудрый описал в житии преподобного. Казалось бы, Стефан – герой отрицательный. При чтении жития Сергия мы не сочувствуем ему. Но надо иметь в виду, что Епифаний Премудрый писал житие после долгих разговоров со Стефаном. Да-да, это сам Стефан, надолго переживший брата, ему рассказывал о жизни в братии – в том числе и о своих неблагоприятных поступках. Не стал скрывать их, не стал изображать себя непогрешимым. Значит, велика была сила его раскаяния. Известно, что после той молчаливой размовки с братом Стефан ушел в тень, не стал бороться за церковную власть. И не случайно он тоже канонизирован в лике святых. Этот поворот в истории Радонежских святых поразительно интересен» (А. Замостьянов. Притяжение Сергия. Беседа с А. Ю. Молчановым).

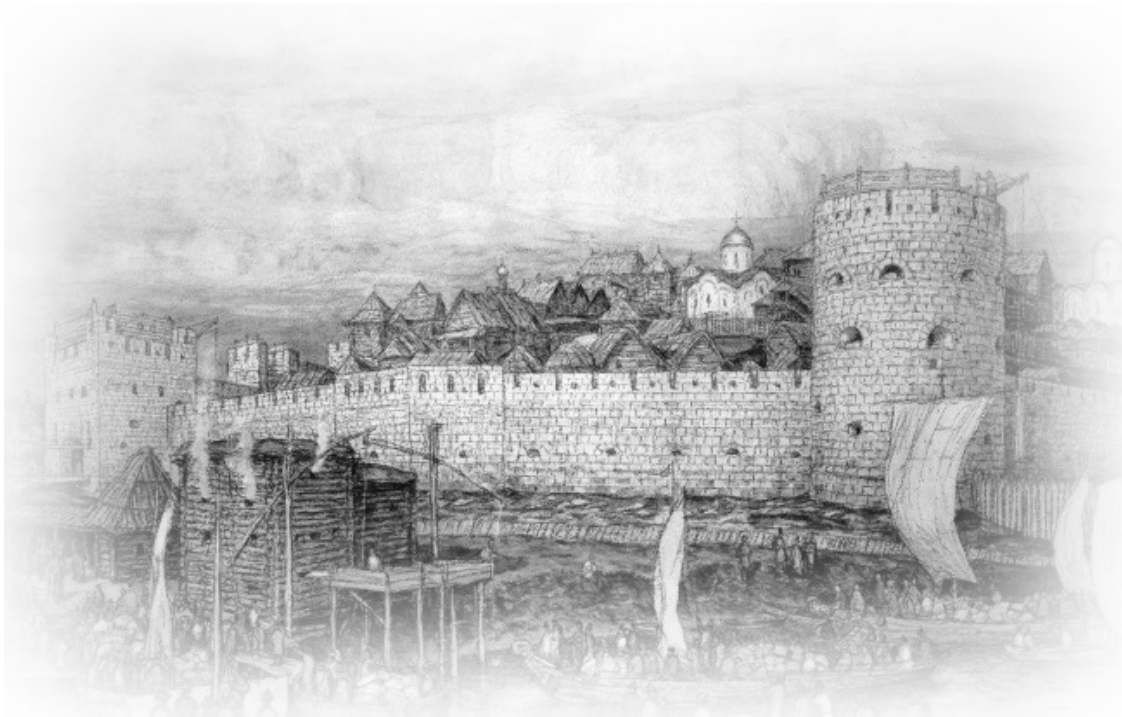
«Через несколько лет Сергей вернулся на Маковец по требованию митрополита Алексия, – рассказывает Наталья Иртенина. – Состоялось примирение двух братьев. Мы лишь не знаем, где – остался ли Стефан в Троице или на время ушел из обители. Во всяком случае, много лет спустя, около 1370 г., видим его здесь же, служащим литургию вместе с Сергием и сыном Федором, уже принявшим сан. Это была та самая служба, во время которой два троицких монаха видели ангела, незримо для других шедшего между Сергием и Стефаном.

А далее старший брат Сергия совсем исчезает из его жития. Можно предполагать, что он тихо и невидно для мира доживал свои годы в монастыре».

Преподобный Стефан умер в глубокой старости, пережив своего брата Сергия. В числе старцев, которых Епифаний Премудрый, составляя житие преподобного Сергия, расспрашивал о великом игумене, был и его старший брат, достигший преклонных лет.

После кончины Стефана память о нем сохранялась как о праведнике, он сделался местночтимым радонежско-московским святым. В наше время имя преподобного Стефана включено в Соборы радонежских и московских святых.

Духовники великого князя Дмитрия Донского

Святой князь, великий полководец, собиратель Руси

Димитрий Иванович Донской остался в народной памяти как великий полководец, одержавший на Куликовом поле победу в судьбоносной битве с войском хана Мамая. Он был прославлен Русской Православной Церковью как святой благоверный князь. Ведь это был христианин, «с Богом все творящий и за Него борющийся», «с чистейшей душой пред Богом хотел он предстать», – как рассказывает древний книжник в «Слове о житии и представлении великого князя Димитрия Ивановича». «Царским саном облеченный, – отмечает летописец, – жил он по-ангельски, постился и снова вставал на молитву и в такой благодати всегда пребывал. Тленное тело имея, жил он жизнью бесплотных...»

Нет оснований предполагать, что летописец преувеличил, польстил князю. Ведь время, в которое рос и воспитывался будущий святой полководец, дало России множество святых. Тогда Русь, все еще стенавшая под монголо-татарским игом, преодолевая собственные смуты, постепенно становилась единым государством. Этот процесс сопровождался великим духовным подъемом. Это было время Сергия Радонежского и его учеников, время великих духовных подвигов, возрастания множества монастырей, неоспоримого авторитета Русской Православной Церкви. Это было время аскетизма и устремления человеческой души ввысь.

Благоверный князь, будучи нареченным в честь горячо почитаемого на Руси великомученика Димитрия Солунского, чествовал своего святого и стремился быть достойным его имени. Был он и активным храмоздателем, основателем соборов и монастырей. Народ любил своего благочестивого правителя, который отличался и впечатляющей внешностью – он имел, по словам современников, «замечательное дородство; волосы на голове были черные, густые; глаза светлые, огненные...»

«Деятельность его отличалась мудрой мерой и высокой моралью, – пишет протоиерей Игорь Бычков, – он избегал обращаться к тем бесчестным и грубым приемам, которые были присущи его времени. Княжение Донского, за редким исключением, не знало случаев ухода от него служилых людей; на его духовном завещании стоит самое большое число боярских подписей...

В сознание потомков Димитрий вошел прежде всего как великий полководец. При этом его государственная деятельность собирателя русской земли (“держателя” – у летописца) как бы отошла на второй план. А между тем, не решив эту задачу, он не смог бы вывести на Куликово поле общерусское войско, оказавшееся способным разгромить орды Мамаю.

С самого начала своего правления Димитрий Иванович объявил решительную войну не только отдельным, как теперь говорят, “суверенным” удельным князьям – противникам единения, но и всей удельной системе.

И, наконец, бесценная заслуга Димитрия Донского – учреждение нового порядка престолонаследия, когда после смерти московского князя власть переходила к его старшему сыну, а не к самому старшему в роду князю, как было прежде. Сколько кровопролития и разрушительной удельной борьбы это предотвратило – и представить трудно!» (Протоиерей Игорь Бычков. Святой Димитрий Донской).

Святой воспитатель благоверного князя

То, что князь Димитрий Иванович вырос великим человеком и достойным христианином, ничуть не странно еще и потому, что опекуном и наставником его, рано осиротевшего, был другой удивительный человек – святитель Алексей Московский.

Кем же был этот духовный муж, воспитавший для России святого Димитрия Донского? Он сам явился значительной фигурой своего временем, великим подвижником, прославленным впоследствии Русской Православной Церковью.

Еще будучи тринадцати лет, святитель – тогда еще боярский сын Елевферий, – забавляясь ловлей птиц, услышал голос:

– Алексей, зачем напрасно трудишься? Ты станешь ловцом человеков!

Прошло несколько лет, и юноша постригся в монахи с явленным ему именем Алексия. Двадцать лет он подвизался в Московском Богоявленском монастыре.

В то время Русская Православная Церковь была подчинена Церкви Греческой. Правящий Русской Церковью митрополит Феогност, мудрый грек, сознавая необходимость иметь помощника из русских духовных лиц, выбрал для этой роли Алексия. Он высоко ценил дарования и праведность этого инока и уже видел в нем своего преемника. Двенадцать лет со званием митрополичьего наместника (заместителя) инок Алексей управлял судебными делами Церкви, а потом и сам был избран главой Русской Церкви. В ее дела новый митрополит погрузился ревностно. Ему предстояло много потрудиться. Он понимал главное: Церковь – вот та единственная сила, которая может спасти измученную Русь. И владыка всячески содействовал прекращению вражды между княжествами. Он, как и его предшественники, митрополиты Петр и Феогност, оказал решительную поддержку Московскому княжеству в его борьбе за роль объединительного центра Руси.

С этим связан чудесный случай, изумивший современников святителя. Однажды к великому князю Московскому явились послы с письмом от хана Джанибека.

«Мы слышали, – прочел князь в письме, – что у вас есть служитель Божий, который если о чем попросит Бога, – Бог слушает его. Отпусти его к нам, и если его молитвами исцелит моя царица, будете иметь со мною мир; если же не отпустите его – пойду опустошать вашу землю».

«Мы слышали, что у вас есть служитель Божий, который если о чем попросит Бога, – Бог слушает его. Отпусти его к нам, и если его молитвами исцелит моя царица, будете иметь со мною мир»

Речь шла о супруге хана Тайдуле, которой никакое врачебное искусство не могло вернуть утраченное от тяжелой болезни зрение.

Что было делать святителю? Будучи человеком истинно праведной жизни, он придерживался о себе весьма скромного мнения. Но при этом надеялся не на свои силы, не на свои молитвы, а на всемогущую силу Господа. Он поехал в Орду.

Тайдула ждала святителя с нетерпением. И не напрасно. Отслужив молебен об исцелении болящей, владыка Алексей покропил ханшу святой водой – и она прозрела. В память этого чуда в Московском Кремле вознесся Чудов монастырь, взорванный в советское время безбожниками...

Подвижнику предстояло еще одно путешествие в Орду, куда более опасное. Хан Бердибек, умертвивший своего отца Джанибека и двенадцать братьев, собирался в поход на Русь и требовал от русских князей усиленной дани. Святитель Алексей отправился к грозному хану, чтобы смягчить его жестокость. После многих притеснений ему это удалось, во многом благодаря Тайдуле, не забывшей добра святителя. От Бердибека он получил ярлык, подтверждающий права Церкви и духовенства.

После ранней кончины великого князя Московского Ивана Красного, руководителем которого владыка был во все время его княжения, святитель Алексей взял на себя попечение

и о его осиротевшем сыне Дмитрие. С ранних лет он стал воспитывать в мальчике мужество, выдержку, ответственность и осознание своей особой роли в государстве.

В житии святого благоверного великого князя Дмитрия Донского говорится: «В 1359 (или 1361, по другим предположениям) году малолетний Дмитрий вынужден был предпринять путешествие в Орду, это было связано с двумя совпавшими событиями – кончиной русского великого князя и очередной переменой на ханском престоле. Поездка отрока Дмитрия в Орду – все это сознавали – по-прежнему сопровождалась смертельной опасностью. Но она была и крайне полезной ему, будущему главе государства; видимо, об этом думал святитель Алексей, благословивший Дмитрия на нее. Он должен был собственными глазами увидеть положение дел: соприкоснуться с врагом, уже более века мучившим родную землю, с которым надо было уметь говорить, а также, проплыв по трем русским рекам, обозреть Русскую землю, которой ему надлежало править».

В 1362 году князь Дмитрий получил из Орды ярлык на великое княжение. Святитель Алексей с радостью благословил своего воспитанника как нового правителя Руси чудотворной Владимирской иконой Божией Матери.

Так владыка Алексей, будучи наставником юного великого князя, становится фактически не только церковным, но и гражданским правителем Руси. Он возглавил Боярскую думу и, по сути, взял на себя ответственность за ход политических событий. Смиранный митрополит умел быть строгим и твердым, когда того требовало дело. Так он предал церковному отлучению смоленского князя за то, что тот, нарушив договор с Москвой, содействовал литовцам. Так же он поступал и с другими князьями-изменниками. С помощью другого нашего величайшего святого, преподобного Сергия Радонежского, митрополит усмирил непокорную Тверь. С тверским князем был заключен договор великой важности: «По благословению отца нашего митрополита всея Руси князь Тверской дает клятву за себя и за своих наследников признавать великого князя Московского старшим своим братом...» С игуменом Радонежским святителя Алексея связывала крепкая дружба и духовое единение.

Два года святитель Алексей не дожил до великой битвы на поле Куликовом. Он умер за два года до нее, в 1378 году.

Безукоризненно исполнив роль воспитателя и духовного наставника великого князя Дмитрия Донского, святой митрополит Алексей стал, по сути, живым олицетворением тесного союза Церкви и государства, без которого в те времена Руси грозила гибель. Святитель был одним из тех, кто полагал начальные камни на фундамент здания будущего великого государства Российского. Православная Церковь чтит его как великого святого, которого Бог прославил многими чудотворениями.

Митяй: из простых священников – в нареченные митрополиты

Этот священнослужитель, архимандрит, оставил о себе память как духовник великого князя Дмитрия Донского и несостоявшийся московский митрополит. В истории он известен как Митяй, в иночестве Михаил; или же Михаилом звали его изначально, а Митяй – таково было его прозвище.

В течение нескольких лет он был духовником не только Дмитрия Ивановича, но и его старейших бояр, а также хранителем печати великого князя, что являлось привилегией не столько церковной, сколько государственной.

Известно, что Митяй родился в городе Коломне и первоначально был там священником. «Простой коломенский священник, Митяй сумел сделать головокружительную карьеру благодаря своим личным качествам. Часто бывая в Коломне, князь Дмитрий приметил этого рослого иерея с горделивой осанкой, благородной внешностью и зычным голосом.

Умный от природы, а кроме того, хорошо образованный, Митяй, в отличие от большинства тогдашнего духовенства, любил и умел говорить проповеди.

Познакомившись с ним поближе, великий князь оценил и характер Митяя. Подобно самому князю, он был человеком легким и веселым. При этом в нем угадывались незаурядная энергия и сила духа.

Традиция предписывала князьям иметь своим духовником монаха. Однако Дмитрий нарушил ее. Митяй был взят ко двору и занял пост, который во времена Симеона Гордого занимал брат Сергия Стефан – “бысть Митяй отец духовный князю великому и всем бояром старейшим”. Вскоре ему были поручены и обязанности княжеского печатника – главы всей придворной канцелярии» (Н.С. Борисов. Сергей Радонежский).

Известный историк А. В. Карташев оставил портрет Митяя в своем труде по истории Русской Церкви: «Это был плечистый мужчина высокого роста, с красивым лицом, большой окладистой бородой и статными, изящными манерами. Громкий приятный голос вместе с отчетливостью произношения делал его артистом при богослужении, а специальный дар красноречия в связи с исключительно громадной начитанностью и феноменальной памятью – изумительным оратором. Широкие энциклопедические познания в книгах самого разнообразного содержания давали ему возможность и в светском обществе быть очаровательным собеседником. Природный ум стяжал ему авторитет дельца, мудрого советчика во всевозможного рода делах. Ради выдающейся личности Митяя даже летописцы покидают свой обычай давать одни имена иерархических лиц и пускаются в живописную характеристику.

“Сей убо поп Митяй бысть возрастом велик зело и широк, высок и напруг (мускулист), плечи (имея) велики и толсты, брада плоска и долга, и лицом красен, – рожаем и саном (т. е. наружной представительностью) превзыде всех человек: речь легка и чиста и громогласна, глас же его красен зело; грамоте добре горазд: течение велие имея по книгам и силу книжную толкуя, и чтение сладко и премудро, и книгами премудр зело, и никтоже обретаешь таков: и пети нарочит; и в делех и в судех и в разсуждениях изящен и премудр, и слово и речь чисту и незакосневающую имея и память велию; и древними повестьми и книгами и притчами духовными и житейскими никтоже таков обретаешь глаголати”. Неудивительно, что такой исключительный человек привлек к себе и исключительную привязанность великого князя Дмитрия Ивановича: “Князь зело любяше Митяя и чествоваше его яко отца паче всех” <... > Нисколько не аскет и большой эстет, Михаил, сообразно с своим положением великокняжеского любимца, допускал в своей обстановке вельможную пышность и особенно неравнодушен был к красивой одежде <...> В “таком чину и устроении” он прожил много счастливых лет. Незадолго до смерти митрополита Алексия великий князь, желая иметь Михаила митрополитом, принудил его постричься в монашество и занять архимандрию в придворном Спасском монастыре. Очень не хотелось светскому попу променять свои “светлые ризы” на монотонный наряд инок, но он все-таки принял монашество как “*conditio sine qua non*” своей будущей карьеры» (А. В. Карташев. Очерки по истории Русской Церкви).

Доктор исторических наук Н. С. Борисов полагает, что «возвышение Митяя, несомненно, происходило с ведома и одобрения митрополита Алексия. Только он мог поставить его княжеским духовником, только с его благословения Митяй весной 1376 года смог стать не только монахом, но и архимандритом придворного Спасского монастыря». «Еще до обедни был мирской поп, а после обедни – архимандрит», – говорили современники о таком быстром возвышении.

После смерти святого митрополита Алексия князь Димитрий пожелал видеть его преемником своего духовника. По княжескому повелению собором епископов архимандрит Михаил (Митяй) был избран в Москве митрополитом. Но поставление первосвященителя без утверждения Вселенским патриархом было бы незаконно. Кроме того, положение Митяя было неустойчивым, так как он имел много противников в церковной среде, среди которых

были такие бесспорные духовные авторитеты, как преподобный Сергей Радонежский и его племянник Федор. «...Митяй, при всех его достоинствах, явно не годился для роли общерусского митрополита. Безродный фаворит московского князя, новичок в монашестве, он не имел авторитета ни в светских, ни в церковных кругах» (Н.С. Борисов. Сергей Радонежский). Вызывало неудовольствие и то, что Митяй обходился с духовенством гордо и строго, а провинившихся и непокорных сурово наказывал и смирял железными веригами.

Так что для утверждения в сане митрополита Митяй вынужден был совершить поездку в Константинополь. В Крыму он сел на корабль, переправился через море, но вблизи Константинополя внезапно умер. На барке его тело перевезли с корабля в генуэзскую Галату и похоронили там. Это было в 1379 году.

«Митяя можно считать первым в истории кандидатом в митрополиты Великой (а не “всея”) Руси, поскольку один из его спутников, Пимен, поставления которого русские послы сумели добиться, использовав имевшиеся у Митяя чистые княжеские “харатии” (бланки княжеских грамот, снабженные печатью), был рукоположен в митрополиты именно Великой Руси» (Г. М. Прохоров. Митяй, нареченный митрополит Великой Руси).

Благословение

Наступил 1380 год. Пришло наконец время решительных действий, и великий князь Московский Димитрий Иванович выступил с объединенными силами русских князей против полчищ хана Мамай.

«Как защитника отечества прославляем мы Димитрия, воспевая его победы над татарами: поход в 1376 г. на Волжскую Булгарию, битвы на реке Воже в 1378 г. и особенно на поле Куликовом в 1380-м. Это были первые победы над врагом, около полутора столетий терзавшим Русь и казавшимся несокрушимым.

Битва на Воже показала, что времена Батые прошли безвозвратно, что татар можно и нужно побеждать. Народ понял, что появился вождь, способный начать борьбу с Ордой.

Благословение преподобным Сергием Радонежским великого князя Дмитрия на Куликовскую битву – символ единения Церкви и государства, принесшего Руси духовный подъем, возрождение и освобождение от врагов

Куликовская битва решила судьбу России. Ведь в случае поражения, наша страна могла бы исчезнуть с карты Европы. В подтверждение приведем слова Мамая, раскрывающие цель его похода на Русь: “Аз тако же хочу сотворити, аки Батый!” А что сотворил Батый – мы знаем. От второго такого удара Русь уже не смогла бы оправиться. Победа на Куликовом поле хотя и не привела к ликвидации монголо-татарского ига, но по господству Золотой Орды был нанесен такой удар, что это ускорило ее распад, а затем освобождение Руси и других народов. <...>

На все свои дела – ратные, политические и гражданские – великий князь всегда брал благословение Церкви» (Протоиерей Игорь Бычков. Святой Дмитрий Донской).

Один из самых известных эпизодов жития преподобного Сергия Радонежского – это благословение им великого князя Дмитрия на Куликовскую битву. Благословение, которое можно считать символом единения Церкви и государства, принесшего Руси в те непростые годы духовный подъем, возрождение и освобождение от врагов.

«Идут два процесса: разлагается Орда, крепнет молодое русское государство. Орда дробится, Русь объединяется. В Орде несколько соперников, борющихся за власть. Они друг друга режут, отлагаются, уходят, ослабляя силу целого. В России, наоборот, восхождение.

В Орде между тем выдвинулся Мамай, стал ханом. Собрал всю Волжскую Орду, нанял хивинцев, ясов и буртасов, сговорился с генуэзцами, литовским князем Ягелло – летом заложил свой стан в устье реки Воронежа. Поджидал Ягелло.

Время для Дмитрия опасное.

До сих пор Сергей был тихим отшельником, плотником, скромным игуменом и воспитателем, святым. Теперь стоял перед трудным делом: благословения на кровь. Благословил бы на войну, даже национальную, Христос?

18 августа Дмитрий с Владимиром, князем Серпуховским, князьями других областей и воеводами приехал в Лавру. Вероятно, это было и торжественно, и глубоко серьезно: Русь вправду собралась. Москва, Владимир, Суздаль, Серпухов, Ростов, Нижний Новгород, Белозерск, Муром, Псков с Андреем Ольгердовичем – впервые двинуты такие силы. Тронулись не зря. Все это понимали.

Начался молебен. Во время службы прибывали вестники – война и в Лавру шла, – докладывали о движении врага, предупреждали торопиться. Сергей упросил Дмитрия остаться к трапезе. Здесь он сказал ему:

– Еще не пришло время тебе самому носить венец победы с вечным сном; но многим, без числа, сотрудицам твоим плетутся венки мученические.

После трапезы преподобный благословил князя и всю свиту, окропил святой водой.

– Иди, не бойся. Бог тебе поможет.

И, наклонившись, на ухо ему шепнул: “Ты победишь”.

Есть величавое, с трагическим оттенком – в том, что помощниками князю Сергей дал двух монахов-схимников: Пересвета и Ослябю. Воинами были они в миру и на татар пошли без шлемов, панцирей – в образе схимы, с белыми крестами на монашеской одежде. Очевидно, это придавало войску Дмитрия священно-крестоносный облик.

20-го Дмитрий был уже в Коломне. 26-27-го русские перешли Оку, Рязанскую землю наступали к Дону. 6 сентября его достигли. И заколебались. Ждать ли татар, переправляться ли?

Старшие, опытные воеводы предлагали: здесь повременить. Мамай силен, с ним и литва, и князь Олег Рязанский. Дмитрий, вопреки советам, перешел через Дон. Назад путь был отрезан, значит, все вперед, победа или смерть.

Сергей в эти дни тоже был в подъеме высочайшем. И вовремя послал вдогонку князю грамоту: “Иди, господин, иди вперед, Бог и Святая Троица помогут!”

8 сентября 1380 года!

По преданию, на зов татарского богатыря выскакал Пересвет, давно готовый к смерти, и, схватившись с Челубеем, поразив его, сам пал. Началась общая битва на гигантском по тем временам фронте в десять верст. Сергей правильно сказал: «Многим плетутся венки мученические». Их было сплетено немало.

Преподобный же в эти часы молился с братией у себя в церкви. Он говорил о ходе боя. Называл павших и читал заупокойные молитвы. А в конце сказал: “Мы победили!” (Б. Зайцев. Преподобный Сергей Радонежский).

Племянник преподобного Сергея. Святитель Феодор, архиепископ Ростовский

После победоносной Куликовской битвы духовником великого князя Дмитрия Ивановича становится племянник преподобного Сергея, Феодор. Феодор был сыном старшего

брата Радонежского игумена – преподобного Стефана, того самого, который приходился духовником великому князю Симеону Гордому.

Иван, будущий инок Феодор, родился где-то в середине 30-х годов XIV века. Рано потерявший мать, он, возможно, был отдан постригшимся в монахи отцом в семью его брата Петра. Но, когда мальчику минуло двенадцать лет, отец привел его в Радонежскую пустынь к другому своему брату – великому подвижнику Сергию.

«Стефан ушел в Троицкую обитель залечивать душевные раны. Перед тем он забрал из дома брата Петра своего младшего сына Ивана. В мальчике проявлялись те же склонности, которые некогда поражали окружающих в Варфоломее-Сергии. По примеру отца и дяди Иван мечтал о монашеском подвиге. Стефан не стал отговаривать 12-летнего сына. Перед постригом полагалось несколько лет проходить послушничество. Но то ли воля отрока была настолько тверда, то ли сильна оказалась убежденность отца, что сын должен пойти по его стопам или даже превзойти, – племянник Сергия был сразу пострижен в иноки с именем Федор» (Н. Иртенина. Стефан, брат Сергия).

Вот как описывает это преподобный Епифаний Премудрый:

«Стефан, родной брат Сергия, пришел в обитель из города Москвы и привел с собой младшего сына по имени Иван. Держа сына за правую руку, Стефан вошел в церковь и поручил его Игумену Сергию, прося постричь сына в иноки. Игумен Сергей постриг его и дал ему в монашестве имя Феодор. Видя это, старцы дивились вере Стефана, не пощадившего своего сына-от-рока, но с детских лет отдавшего его Богу, как в древности Авраам не пощадил своего сына Исаака. Феодор же с молодых ногтей был воспитан во всяком благочестии и чистоте и в посте; поучаясь от дяди, он был исполнен и украшен всеми монашескими добродетелями – и так достиг возраста зрелого мужчины. Одни говорили, что Феодор был пострижен в десять лет, а другие – что в двенадцать» (Епифаний Премудрый. Житие преподобного Сергия).

Несмотря на то, что Феодор был очень юн, монахом он стал замечательным – молчаливым, кротким молитвенником, всегда открывавшим свои помыслы преподобному Сергию. В Троицкой обители Феодор учился иконописи и греческому языку, много читал. В зрелом возрасте он принял священнический сан.

Однажды, когда преподобный Сергей совершал Божественную литургию вместе со своим братом Стефаном и племянником Феодором, некоторые иноки увидели ангела, который сослужил им.

Всего Феодор прожил в Троицком монастыре 22 года. На годы его жизни пришлось удивительное время расцвета русского монашества. Многие ученики преподобного Сергия, выйдя из Троицкого монастыря, основали собственные обители. Был в их числе и преподобный Феодор. Предание повествует о том, что во время молитвы он услышал голос: «Феодор, иди в пустыню, ты устроишь там обитель, соберешь в нее многих иноков, мужей желаний духовных, и получишь великую награду на небесах!»

Преподобный Сергей сначала не одобрил желание племянника создать свой монастырь, но тот настаивал. Наконец Сергей решил, что в просьбах племянника проявляется Божья воля. Он сказал:

– Я, чадо, надеялся, что ты предашь кости мои гробу и станешь после меня игуменом на сем месте, но если хочешь теперь начать задуманное тобой дело, то да помогут тебе Господь и Пресвятая Богородица!

Преподобный благословил племянника и тех троицких монахов, которые захотели уйти вместе с ним. В 1370 году на берегу Москвы-реки в месте, называемом Симоново, Феодор построил храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Когда туда стало стекаться все больше людей, Феодор удалился в более уединенное место, в пяти верстах от Москвы, и

назвал его “Новое Симоново”. В 1379 году он заложил здесь храм, основав обитель в честь Успения Божией Матери, где ввел строгое общежитие.

Своей добродетельной жизнью и подвижничеством Феодор обрел известность в Москве. По выражению летописи, святой сиял добродетелями, премудростью и рассудительным смыслом и притом отличался привлекательной наружностью, высоким ростом и красотой.

Он был разносторонне образованным и одаренным человеком, тонким дипломатом, занимался переводами с греческого молитв патриарха Филофея Коккина и литургических произведений. Согласно «Сказанию о святых иконописцах», Феодор был известен и как живописец, оставивший после себя «многие иконы», в том числе он создал образ своего дяди, святого Сергия Радонежского.

Когда великий князь Димитрий Иванович избрал Феодора своим духовником, он часто давал ему важные поручения. Феодор крестил княжеского сына Андрея. В феврале 1381 года по поручению великого князя он возглавил посольство, которое отправлялось в Киев звать митрополита Киприана на Москву в качестве митрополита всея Руси. С июня 1383 года по конец 1384 – начало 1385 года Феодор жил в Константинополе, посланный туда Димитрием Донским вместе с архиепископом Дионисием Суздальским по делам «о управленьи митрополю русския». В конце этой поездки Феодор получил от Константинопольского патриарха Нила чин начального архимандрита («первопресвитера») и грамоты, дававшие ему право подчиняться непосредственно самому византийскому патриарху, минуя русского митрополита.

Свою жизнь святитель Феодор закончил как архиепископ Ростовский. «Почти в точности повторив взлет отца и избежав его падений, святитель Феодор Ростовский намного превзошел своего родителя и более прославлен потомками» (Н.Иртенина. Стефан, брат Сергия). Он отошел ко Господу в 1394 году и был причислен к лику святых уже в XV веке.

Духовник пережил своего духовного сына – великого князя Димитрия Донского, который скончался в 1389 году в возрасте 39 лет. «Почувствовав приближение смерти, Димитрий Иванович послал за святым Сергием. Преподобный, наблюдавший все течение жизни князя, не только был главным свидетелем при составлении духовного завещания, но и преподавал ему все необходимые таинства: исповедал, причастил и соборовал.

В день и час кончины святого преподобный Димитрий Прилуцкий, находившийся далеко от него, вдруг встал и сказал братии: “Мы, братия, строим земные, тленные дела, а благоверный великий князь Димитрий уже не печется о суетной жизни...”» (Протоиерей Игорь Бычков. Святой Димитрий Донской).

Князь-слепец и его проводник к духовному свету

Тяжкое правление Василия Темного

Великий князь Московский Василий Темный – еще один русский правитель, имевший в духовниках святого, канонизированного Русской Православной Церковью. Личность самого князя Василия у историков вызывает противоречивые отзывы.

Довольно часто его характеризуют как человека «характера слабого и злого», который «никогда не обнаруживал ни политических, ни военных талантов». Василий II после смерти отца стал великим князем в десять лет – «и, следовательно, лет десять не мог сам управлять, в 16 лет был слепцом. При всем том сила и значение Москвы в его тридцатидвухлетнее княжение, в продолжение которого он 26 лет не мог править то по молодости, то по слепоте, не только не умалились, но еще возросли» (ЭСБЕ).

Русский историк И. Е. Забелин иначе характеризует великого князя Василия, называя его человеком смирным и добрым, «который все случавшиеся бедствия больше всего приписывал своим грехам», впрочем, не отрицая его уступчивости и слабоволия.

Василий Темный остался в истории как правитель, чье великое княжение было омрачено тяжелой смутой. «И была, – говорит летописец, – между боярами брань великая и слово недоброе». Сама природа словно карала за что-то Василия – его княжение сопровождалось народными бедами – эпидемией, засухами, голодом. «В то же время и в семействе Калиты открылась небывалая уособица» (ЭСБЕ).

Князь Василий Васильевич правил с перерывами с 1425 по 1462 год – несколько раз он терял престол в междоусобной борьбе со своими родственниками, бывшими при этом его политическими противниками. Жизнь он прожил недлинную и тяжелую – подвергался унижениям, побывал в ссылке и в плену у монголо-татар, а свое прозвание «Темный» получил потому, что был ослеплен своим недругом Дмитрием Шемякой.

В доме Шемяки князю Василию выкололи глаза, осыпая его при этом руганью и клеветой. Но среди многих лживых Шемякиных измышлений один укор был правдой: зачем осле-

пил брата моего Василия Косого? И великий князь ответил своему палачу словами высочайшей христианской мудрости: «Благодарю тебя! Ты дал мне средство к покаянию».

Слепоту люди считают величайшим несчастьем. Но князь Василий принял эту беду как дар Божий. То была справедливая кара за совершенный им в юности грех: ослепивший некогда своего противника сам потерял свет очей. То был зов Божий: покаянием очиститься и от этого преступления, и от многих других нечистот, оседавших на душе великого князя среди былой чести и власти. И горькие, спасительные слезы покаяния струились из невидящих глаз Василия Темного – так прозвал народ царственного слепца. Обступившая его темнота помогла просветлению его духовного взора.

Василий II, на долю которого выпало столь тяжелое правление, был одним из тех московских князей, которые стояли у преддверия Русского Царства. Он продолжил дело предшественников – объединение Руси в сильное государство и избавление ее от иноземных захватчиков. В будущем уже смутно просматривается грозный лик первого русского царя Ивана Васильевича, а сейчас народ, вкусивший горя смут, все яснее и яснее осознает, что такое данный Богом государь.

Вдохновитель и утешитель

Когда мы желаем узнать о каком-либо правителе, то редко находим рассказы о влиянии на него духовных наставников. А ведь это было важно для формирования личности государя в те времена, когда религиозность была всеобщей и не напускной, и православный взгляд на мир определял многие поступки людей.

XIV и XV века подарили России множество святых подвижников. Одним из них был преподобный Мартиниан Белозерский, ученик святого Кирилла Белозерского. Уроженец сурового северного края, родившийся к тому же в крестьянской семье, он с ранних лет готов был к лишениям и испытаниям монашеской жизни.

Житие святого Мартиниана, в миру Михаила, рассказывает о том, что его родители, не зная, к кому отдать сына в обучение, привели его в Кирилло-Белозерский монастырь, находившийся в 30 верстах от их села.

Это было около 1410 года, когда Михаилу не исполнилось еще и 14 лет. Увидев преподобного старца, благочестивый отрок упал ему в ноги и неотступно умолял его: «Возьми меня к себе, господин!»

Тронутый детскими мольбами, подвижник с радостью и отеческой любовью принял его к себе. В то время близ Кирилловой обители жил дьяк Алексей Павлов, который был известен по округе своим искусством в обучении грамоте. Преподобный призвал его к себе и сказал: «Друг, исполни для меня заповедь любви Божией: научи грамоте отрока, которого видишь, и сохрани его как зеницу ока, во всякой чистоте».

Книжное учение пошло юноше на пользу – став иноком, он, по благословению преподобного Кирилла, исполнял важное послушание – переписывал книги. Не секрет, что в те времена именно монастыри были светочами культуры, и роль переписчиков в этом была огромна. Не гнушался Мартиниан и другой трудной работы в обители – в хлебне, пекарне, – на которую отправлял его игумен. Он был истинным иноком и глубоким молитвенником. «Видя его ревность, – говорит житие, – святой Кирилл сделал его клириком, а спустя немного времени преподобный Мартиниан был посвящен во иеродиакона, потом во иеромонаха».

Когда же преподобный Кирилл отошел ко Господу, Мартиниан, желавший уединения и безмолвия, ушел из монастыря и поселился на безлюдном лесистом острове на озере Воже. Но недолго он пребывал здесь один. Как не раз бывало в истории обителей, к подвижнику пришли другие иноки, тоже искавшие уединения. Так на этом месте возник Вожеозерский Спасо-Преображенский монастырь.

Со временем преподобный Мартиниан, обустроив основанную им обитель, перешел на жительство в Ферапонтов монастырь, куда его давно звали. Там он подвизался с присущем ему усердием, вызывая у всех уважение. Братия очень полюбила его, и когда возникла необходимость выбрать нового игумена, все видели на этом месте только святого Мартиниана. Преподобный долго отказывался от такой чести, но в конце концов уступил. Под его руководством обитель процветала.

«Как пчелы слетаются на медовые цветы, так стекались к преподобному иноки и миряне: одни – чтобы, приняв пострижение, поселиться с ними, другие – чтобы слушать его наставления и видеть иноческую жизнь, устроившуюся под его руководством», – повествует житие преподобного Мартиниана Белозерского.

Именно здесь, в Ферапонтовом монастыре, познакомился со святым Мартинианом великий князь Василий Васильевич.

Дмитрий Шемяка, двоюродный брат князя Василия, был не просто властолюбец, желавший великокняжеского престола – не осознавая того, он действовал как часть хаотичной темной силы, готовой снова раздирать Русь в междоусобной борьбе, подвергая молодое государство смертельной опасности. По словам историка И. Е. Забелина, «Шемякина смута, упавшая на землю великими крамолами, разорениями и убийствами,

как причина великого земского беспорядка, перенесла народные умы к желанию установить порядок строгою и грозною властью, вследствие чего личность великого князя, униженная, оскорбленная и даже ослепленная во время смуты, тотчас после того восстанавливает свой государственный облик, и в еще большей силе и величии».

Выступая против него, князь Василий защищал не только свои права на престол – он защищал новую, объединенную Русь, олицетворяя собой чаяния народа, желавшего быть под властью единого, Богом благословленного государя. И на это благое дело, на борьбу с Шемякиной смутой, великий князь Василий просил благословения Церкви.

Роковое событие, ставшее переломным в жизни Василия II, произошло в 1446 году. Дмитрий Шемяка захватил великого князя, когда тот молился в Троице-Сергиевой лавре, благодаря Бога за избавление от татарского плена. До того, воспользовавшись отъездом князя из Москвы, Шемяка захватил Кремль, пленил семью князя Василия, бросил в темницу верных ему бояр.

Ослепив Василия II, Шемяка все же побоялся убивать его, опасаясь народного гнева. Он отпустил князя, дав в удел город Коломну. Туда и стали стекаться к изгнанному правителю верные ему люди.

«Обнадеженный в помощи тверским князем, Василий Темный отправился с войсками искать потерянного им московского престола. Но прежде чем вступить в борьбу с Шемякой, благочестивый князь хотел испросить помощи Божией и потому по дороге к Москве посетил сперва Кириллов, а потом и Ферапонтов монастыри.

Благочестивый князь хотел испросить помощи Божией и потому по дороге к Москве посетил Кириллов монастырь

Игумен Мартиниан со всей братией встретил Василия Васильевича за оградой монастыря. Осенив его святым крестом и окропив святой водой, он служил молебен Пресвятой Богородице и после того угощал князя на трапезе. Уговаривая Василия Васильевича идти против врага, преподобный обнадежил его словом утешения. В ответ на это князь сказал: «Мартиниан! Если будет на мне милосердие Божие, Пресвятой Богородицы и великих чудотворцев моление и твоими молитвами сяду на столе своем великокняжеском, даст Бог, позабочусь о твоём монастыре, а тебя приближу к себе».

Приняв затем благословение святого игумена, Василий Васильевич со всем воинством пошел на врага. Но Шемяка без боя поспешно бежал из Москвы, а Василий Темный снова стал на великом княжении».

Вернув себе великокняжеский престол, Василий Темный сдержал слово. Он вызвал к себе преподобного Мартиниана, отдал ему под начало Троице-Сергиеву лавру и сделал своим духовником.

Как видим, святой Мартиниан был рядом с князем Василием в самый трудный период его жизни, когда тот, неся бремя слепоты, как христианин переосмысливал свою жизнь, все свои поступки. Некоторые историки сомневаются в том, что князь Василий Васильевич изменился после постигшего его несчастья. Вероятно, одна из причин тому – смерть Дмитрия Шемяки, который был отравлен в 1453 году. Высказывались предположения, что преподобный Мартиниан осудил расправу Василия над политическим соперником и назначил князю строгую епитимию. Впрочем, доказать это сейчас не представляется возможным. Николай Карамзин, в своих оценках безусловно стоявший на стороне Василия Темного, в знаменитом труде «История государства Российского» писал об отравлении Шемяки: «Виновник дела, столь противного вере и законам нравственности, остался неизвестным». Дело это, впрочем, многие оправдывали государственной необходимостью. Даже в изгнании Шемяка продолжал строить козни против великого князя. Собравшись с силами, он захва-

тил Устюг и собирался напасть на Вологду, но, столкнувшись с великокняжеским войском, испугался и бежал обратно в Новгород. В 1453 г. московский дьяк Степан Бородатый подговорил боярина Ивана Котова отравить Шемяку, что тот успешно сделал.

Только после смерти Шемяки Василий Темный сумел восстановить единство земель вокруг Москвы. Что касается личности самого великого князя, то зная, что свои помыслы он поверял такому подвижнику, как преподобный Мартиниан Белозерский, вполне можно предположить, что князь Василий действительно усердно боролся со своими греховными побуждениями.

Конечно, любому человеку сложно измениться сразу же, вдруг. История донесла до нас неприглядный поступок Василия Темного, но из описания этого случая становится очевидным, насколько сильным было влияние на великого князя его духовного отца.

«Смущенный сидит в палате своей великий князь Василий II. “Судите, бояре, что со мною наделал болотный чернец. Пришел ко мне во дворец и снял с меня благословение Божие”. Болотный чернец – это причисленный потом к лику святых подвижник Мартиниан, ученик преподобного Кирилла Белозерского. Основываясь на обещании великого князя, он убедил одного отъехавшего в Тверь боярина вернуться в Москву. Василий II, однако, заключил боярина в темницу. Разгневанный подвижник и лишил за это великого князя благословения. “Виноват я перед Богом, – продолжал свое слово к боярам Василий, – забыл свое слово и поступил несправедливо; пойдем к Святой Троице, к преподобному Сергию и блаженному Мартиниану, чтобы получить прощение”. Освободил он боярина, пошел в обитель, где праведник встретил его с радостью» (Н.Тальберг. Святая Русь).

«С тех пор, – продолжает житие преподобного Мартиниана, – Василий Васильевич еще более возлюбил своего духовного отца, ни в чем не оскорблял его, слушал во всем и почитал».

Далее в житии рассказывается о том, что подвижника тяготила жизнь в обители, близкой к столице, кроме того, он желал закончить устройство дорогого его сердцу Ферапонтова монастыря, так что он вернулся туда, оставив Троице-Сергиеву лавру.

Преставился преподобный Мартиниан 86 лет от роду, в 1483 году. Его мощи были обреты нетленными, и от них совершилось немало исцелений.

Иван Великий и архиепископ Вассиан

Основатель государства Московского Иван Великий

«1440 год, 22 января. Блаженный Михаил Клопский, Христа ради юродивый новгородский, находясь в обители святителя Николая на Вяжинах, вдруг взбирается на колокольню и начинает звонить во все колокола. “Что это значит?” – спрашивает народ. “Ныне в Москве радость”, – отвечает, юродствуя, Михаил. “Что за радость такая?” – спрашивает находившийся в обители архиепископ Евфимий. “У великого князя родился сын Тимофей, он же и Иван. Да и какой сын! Тот будет всему русскому царствию наследник, и всем окрестным странам страшен будет, и сего вашего Новгорода обладателем будет, и гордыню вашу упразднит, и в свою волю вас приведет, все ваше самовластие разрушит”. В этот день родился Иоанн Васильевич III, в 1471 году покоривший Новгород» (Н.Тальберг. Святая Русь).

Этот князь остался в истории как Иван Великий. Будучи сыном Василия Темного, он с 1448 года считался соправителем своего слепого отца, когда же стал великим князем, то власти его никто не оспаривал. Более того, Иван III – первый, кого в некоторых документах официально именовали царем, хотя царский титул он так и не принял.

Благодаря мудрому правлению Ивана Васильевича окончательным успехом увенчалась политика его предков, московских князей, направленная на укрепление Руси и объединение ее земель вокруг Москвы. «Государь всея Руси, собиратель земель русских» – так называют Ивана III. При нем Москва окончательно стала центром единого Русского государства, территория которого значительно расширилась.

«Мы живем в государстве, основателем которого был Иван III... Главнейшие документы веками скреплялись печатями с гербом, выбранным и утвержденным этим правителем. Наконец, именно по его замыслу и на его деньги были возведены соборы и башни Московского Кремля, которыми мы любимся и поныне. Приняв ослабленное и полунищее Московское княжество, потомкам он оставил богатое государство» (Газета «Культура». Третий и единственный).

Архипастырское слово

И опять-таки история неопровержимо доказывает нам, что никакое великое дело не совершается без духовного благословения.

Самое известное событие правления Ивана III – стояние на Угре (1480 г.), положившее конец власти монголо-татар над Русью, – также было отмечено решимостью и властным словом духовника Ивана Васильевича – архиепископа Вассиана Рыло.

Архиепископ Ростовский, Ярославский и Белозерский Вассиан прославлен Русской Православной Церковью в лике святителя. Это был энергичный и образованный архипастырь, благодаря своему красноречию считавшийся «Демосфеном» своего времени. Он оставил в истории след как «один из самых интересных и значительных русских церковно-политических деятелей и духовно-политических мыслителей второй половины XV в. Год рождения архиепископа Вассиана неизвестен, но известно, что позднее он был монахом Боровского монастыря, затем игуменом Троицкого монастыря и архимандритом Новоспасского монастыря в Москве. С 1468 г. Вассиан возведен в сан архиепископа Ростовского.

Архиепископ Вассиан относился к числу ближайших сотрудников и соработников великого князя Московского Ивана III Васильевича, а в 70-е гг. XV в. он был духовником московского правителя, крестил его детей; недаром в ряде памятников того времени владыка Вассиан называется «духовным отцом» Московского государя. При этом помощь Вассиана была не только духовной, но и практической. Так, в спорах великого князя с тогдашним митрополитом Геронтием архиепископ Вассиан чаще всего занимал сторону Ивана Васильевича. Владыка помог и замирению Ивана III с младшими братьями – удельными князьями Андреем Большим и Борисом Волоцким.

Во время Великого стояния на Угре, когда ни одна из воюющих сторон не решалась на серьезную атаку, слово архиепископа Вассиана укрепило и поддержало русского князя. Этим событиям предшествовали провал вторжения в русские земли ордынского хана Ахмата в 1472 году и последовавшие за ним решительные действия Ивана III – в 1476 году он прекратил выплачивать дань Золотой Орде, а в 1480 году отказался признавать зависимость от нее.

«1480 год. Разгневанный на Иоанна III за растоптание басмы, хан Ахмат с ордой вторгается в Россию. Осторожный Иоанн III, оставив войско, советуется в Москве с матерью, духовенством и боярами. Тверже всего звучит голос духовенства с митрополитом Геронтием во главе. Пламеннее всех, упрекая великого князя за проявленную робость, говорит ветхий старец, архиепископ Ростовский Вассиан, брат стоятеля за чистоту веры, победителя ереси жидовствующих преподобного Иосифа Волоцкого: “Или боишься смерти? Не бессмертный ты человек – смертный, а без року смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю. Дай мне, старику, войско: увидишь, уклоню ли я лицо свое перед татарами”.

Октябрь того же года. Иоанн III с войском на берегу Угры, на другой стороне татары. Великий князь мрачен. Попробовал по совету некоторых бояр вступить в переговоры с Ахматом и выслушал унижительные условия. Из Москвы привозят обличительные грамоты от митрополита и особенно от старца Вассиана, резко нападающего на великого князя за его переговоры с татарами. Напоминая о доблестях Игоря, Святослава, Владимира Святого, Владимира Мономаха, Дмитрия Донского, старец писал: “Молю величество твое, боголюбивый государь! Не прогневайся на мое смирение, что прежде дерзнул устами к устам говорить твоему величеству твоего ради спасения: потому что наше дело напоминать вам, а ваше слушать нас... Что же слышим? Ахмат губит христианство, грозит тебе и отечеству, ты же перед ним уклоняешься, молишь о мире и шлешь к нему послов: а нечестивый дышит гневом и презирает твое моление... Государь! Каким советам внимаешь? Людей, недостойных имени христианского! И что советуют? Повергнуть ли щиты, обратиться ли в бегство?

Но помысли: от какой славы и в какое унижение низводят они твое величество! Предать землю Русскую огню и мечу, церкви разорению, тьмы людей погибели! Чье сердце не излиться в слезах от единой мысли? О, государь! Кровь паствы вопиет на небо, обвиняя пастыря!” Иоанн, прочтя послание, укрепился, перестал помышлять об уступках. Ахмат неожиданно снялся и ушел» (Н.Тальберг. Святая Русь).

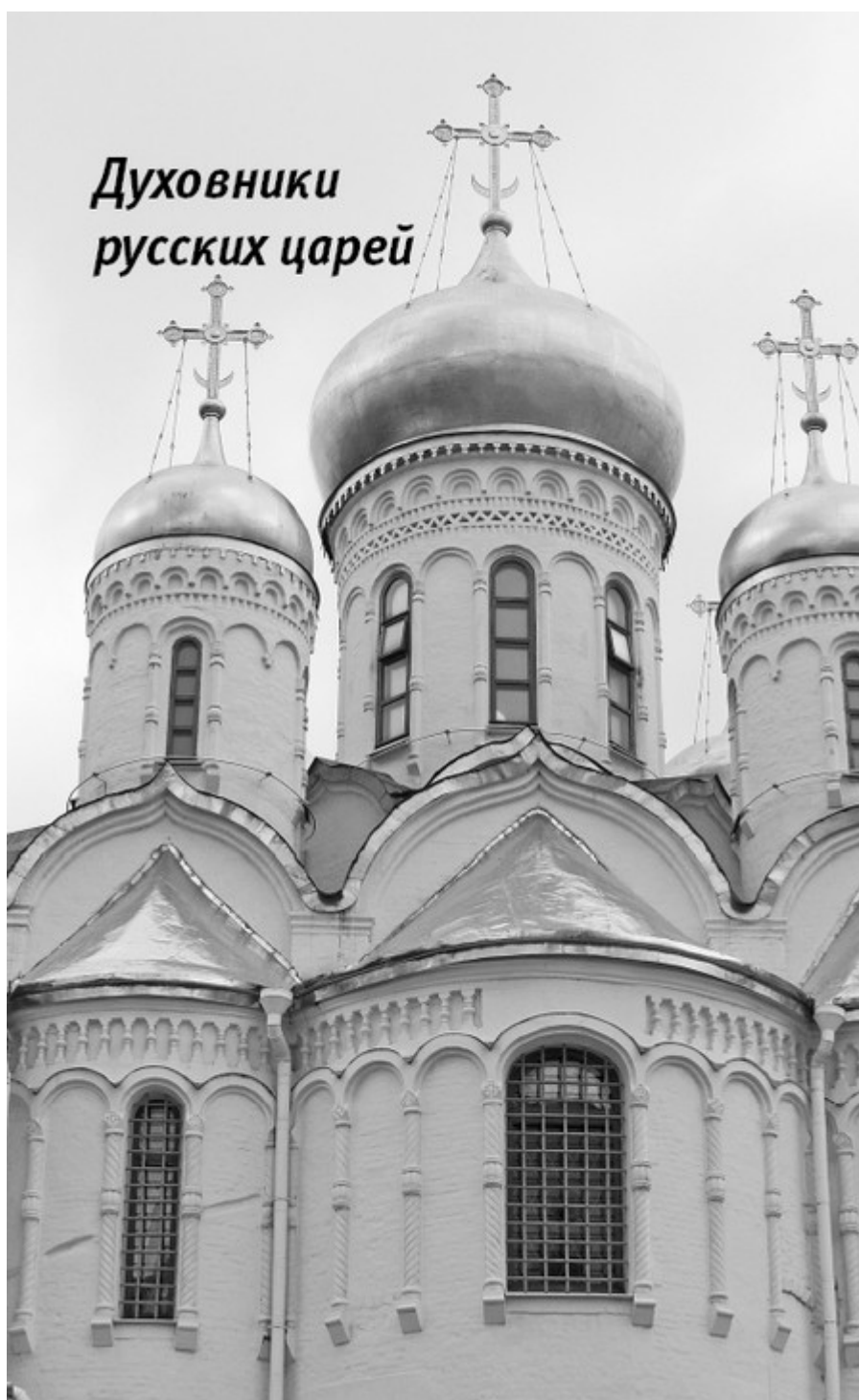
Иван III прекратил выплачивать дань Золотой Орде, а в 1480 году отказался признавать зависимость от нее

За этот неожиданный отход войска Ахмата благочестивые русские люди благодарят Божию Матерь – в Москве тогда находилась специально привезенная из Владимира Ее знаменитая чудотворная икона Владимирская, молением перед которой еще в 1395 году Русская земля была спасена от Тамерлана.

Послание же на Угру архиепископа Вассиана нынче является памятником древнерусской литературы. В нем впервые были сформулированы важнейшие для Руси государственно-политические цели и идеалы. И дальнейшее развитие русской духовно-политической мысли в XVI–XVII вв. шло в направлении осмысления и углубления сформулированных архиепископом Вассианом Ростовским задач.

Исполненное вдохновенного патриотизма послание святого Вассиана к своему духовному сыну стало в XVI веке образцом жанра для последующих обращений к царям государственных деятелей.

Духовники русских царей

Наставники грозного царя

Неразгаданный государь

Первый русский правитель, официально принявший царский титул, Иоанн IV Васильевич по прозванию Грозный. – один из тех немногих исторических деятелей, о которых не перестают спорить десятилетиями, рассматривая личность правителя с прямо противоположных позиций. Для кого-то Иван Грозный – тиран и мракобес, символ всего самого темного, что переняла у монголо-татар Московская Русь, а кто-то серьезно поднимает вопрос о церковной канонизации этого государя. Советский историк С. Б. Веселовский писал: «В нашей историографии нет, кажется, вопроса, который вызывал бы большие разногласия, чем личность царя Ивана Васильевича, его политика и, в частности, его пресловутая опричнина. И замечательно, что по мере прогресса исторической науки разногласия, казалось бы, должны были уменьшиться, но в действительности наблюдается обратное».

Весьма интересно и образно высказался на эту тему публицист XIX века Н. К. Михайловский: «При чтении литературы, посвященной Грозному, выходит такая длинная галерея его портретов, что прогулка по ней в конце концов утомляет. Утомление тем более понятное, что хотя со всех сторон галереи на вас смотрит изображение одного и того же исторического лица, но вместе с тем лицо это “в столь разных видах представляется, что часто не единым человеком является”». Одни и те же внешние черты, одни и те же рамки и при всем том совершенно-таки разные лица: то падший ангел, то просто злодей, то возвышенный и пронизательный ум, то ограниченный человек, то самостоятельный деятель, сознательно и систематически преследующий великие цели, то какая-то утлая ладья “без руля и ветрил”,

то личность, недостижимо высоко стоящая над всей Русью, то, напротив, низменная натура, чуждая лучшим стремлениям своего времени».

К. Ю. Резников в книге «Русская история: мифы и факты. От рождения славян до покорения Сибири» отмечает, что интерес к Ивану Грозному «вызван как значением его царствования, так и личными свойствами самого царя. Иван IV, обычно именуемый Иваном Васильевичем, был первым русским государем, помазанным на царствование, при нем Россия стала многонациональной империей и при нем же Россия и Запад впервые столкнулись как враждебные цивилизации. Мнения об Иване IV противоречивы. Разногласия затрагивают не только личность царя, но последствия его царствования для российского государства, общества и русского национального характера». Автор отмечает, что «основная проблема не недостаток фактов, а их крайняя ненадежность: убиенные оживают и сидят воеводами в городах, потом их подвергают казни вторично, масштабы казней различаются не в десятки, а в сотни раз».

«Время правления Ивана Грозного – великое и трагическое. Но именно в царствование Ивана IV Васильевича осмысление роли и места Российского царства в мировой истории достигает высочайшего напряжения. Именно в годы его правления были сформулированы важнейшие смысловые и целевые установки движения Российского государства и русского народа по историческим дорогам», – утверждает современный историк С. В. Перевезенцев.

От последнего московского великого князя Василия III его сын Иван получил уже единое государство, не разделенное на уделы. Сам Василий III закончил великий процесс объединения, присоединив к Москве уделы, дольше остальных пытавшие сохранять независимость. Сыну его довелось уже не соединять, но расширять и преобразовать.

Что же касается сложной личности Ивана Васильевича, то характер его формировался в весьма непростых условиях. Семи лет он остался круглым сиротой, на руках бояр, которые мало заботились о нем. Сам царь Иван с горечью вспоминал об этом в письме к князю Андрею Курбскому: «По смерти матери моей, Елены, остались мы с братом Георгием круглыми сиротами; подданные наши хотение свое улучили, нашли царство без правителя: об нас, государях своих, заботиться не стали, начали хлопотать только о приобретении богатства и славы, начали враждовать друг с другом. И сколько зла они наделали! Сколько бояр и воевод, доброхотов отца нашего, умертвили! Дворы, села и имения дядей наших взяли себе и водворились в них! Казну матери нашей перенесли в большую казну, причем неистово пихали ее ногами и спицами кололи, иное и себе забрали».

Через годы царь Иван пронес в душе тягостные воспоминания и обиды: «Нас с братом Георгием начали воспитывать как иностранцев или как нищих. Какой нужды не натерпелись мы в одежде и в пище! Ни в чем нам воли не было, ни в чем не поступали с нами, как следует поступать с детьми».

Но будущий царь вырос и скоро показал, что его вынужденное подчинение боярам идет на убыль. На семнадцатом году жизни он объявил митрополиту, что хочет жениться, объяснив при этом, что хотел сначала взять жену из семейства какого-нибудь иностранного правителя. «Но потом я эту мысль оставил, не хочу жениться в чужих государствах, потому что я после отца своего и матери остался мал; если приведу себе жену из чужой земли и в нравах мы не сойдемся, то между нами дурное житье будет; поэтому я хочу жениться в своем государстве, у кого Бог благословит по твоему благословлению».

За этой речью, согласно рассказу летописца, последовала другая, еще более удивившая бояр: «По благословлению отца митрополита и с вашего боярского совета хочу прежде своей женитьбы поискать прародительских чинов, как наши прародители цари и великие князья, и сродник наш Владимир Всеволодович Мономах на царствие и на великое княжение сядились; и я так же этот чин хочу исполнить и на царство, на великое княжение сесть».

Современники приписывали Анастасии Романовне все женские добродетели: целомудрие, смирение, набожность, не говоря уже о красоте, соединенные с основательным умом

Так шестнадцатилетний Иван решил принять титул, который не решались возложить на себя его дед и отец. Явно не всем боярам пришлось это по нраву.

Венчался на царство Иоанн IV Васильевич 16 января 1547 года. А затем последовала его женитьба на юной Анастасии, дочери умершего окольничего Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. «Современники, изображая свойства Анастасии, приписывают ей все женские добродетели, для которых только находили они имена в русском языке: целомудрие, смирение, набожность, чувствительность, благодать, не говоря уже о красоте, соединенные с основательным умом.

Союз с такой женщиной если и не смягчил сразу буйный характер царя, то подготовил его дальнейшее преображение» (К. Рыжов. Все монархи мира. Россия. 600 кратких жизнеописаний).

К. Ю. Резников отмечает, что в народе Иван IV запомнился как грозный, но справедливый царь, защитник простых людей от гонителей бояр. За 37 лет царствования Иван Грозный ни разу публично не сказал плохого слова против простых людей. Напротив, выступая в феврале 1549 года перед представителями сословий городов русских, собравшимися на Красной площади, он укорял бояр за притеснение народа. «Народ поверил царю. Люди с самого начала хотели ему верить; они слишком устали от неурядиц боярского междувластия. Иван их надежды подтверждал. Он любил судить и судил справедливо. Вскоре вышел его “Судебник”, где были учтены интересы всех сословий, в том числе простых людей <...> Но самое главное, молодой царь заставил казанских татар отпустить из рабства 100 тысяч православных людей. Тут радовался весь 10-миллионный русский народ. А затем было славное взятие Казани; освобождение из рабства еще 60 тысяч христиан. За Казанью последовала Астрахань – два царства покорились русскому царю: такого на Руси еще не бывало. Иван Васильевич воссиял истинным самодержцем, избранником Божиим, ведущим русский народ к величию и спасающим изрушившийся православный мир» (К. Ю. Резников. Русская история: мифы и факты).

А вот что говорил о Иване Грозном К. Д. Кавелин, русский историк и юрист XIX века:

«Его многие судили, очень немногие пытались понять, да и те увидели в нем только жалкое орудие придворных партий, чем Иоанн не был. Все знают, все помнят его казни и жестокости; его великие дела остаются в тени; о них никто не говорит. Добродушно продолжаем мы повторять отзывы современников Иоанновых, не подозревая даже, что они-то всего больше объясняют, почему Иоанн сделался таким, каков был под конец: равнодушие, безучастие, отсутствие всяких духовных интересов – вот что встречал он на каждом шагу. Борьба с ними – ужаснее борьбы с открытым сопротивлением. Последнее вызывает силы и деятельность, воспитывает их; первые их притупляют, оставляя безотрадную скорбь в душе, развивая безумный произвол и ненависть».

И, наконец, очень интересный отзыв об Иване IV оставил другой русский царь, фигура не менее значительная, о котором потомки спорят не меньше, чем о самом Грозном. Русский император Петр I говорил: «Этот государь – мой предшественник и пример. Я всегда принимал его за образец в благоразумии и в храбрости, но не мог еще с ним сравняться. Только глупцы, которые не знают обстоятельств его времени, свойства его народа и великих его заслуг, называют его тираном».

Влияние на Ивана Грозного митрополита Макария

Г. В. Вернадский в книге «Московское царство» пишет про Ивана Грозного, что он «не получил систематического образования, но с детства был жадным читателем теологических и исторических книг. Из Библии и иных источников он привык извлекать аргументы в пользу понятия о божественной природе и всемогуществе царской власти. Может показаться, что в своем чтении Иван был до определенного предела направляем митрополитом Макарием, одним из немногих людей, которым Иван мог доверять и кого уважал в детстве...

Отсутствие стабильности в государстве, борьба боярских фракций, невзрастеническое поведение молодого великого князя – все это создавало нетерпимую ситуацию. К счастью для России, в русском обществе были люди, обладающие и здравым смыслом, и способностью творить, – они были не только обеспокоены состоянием дел, но и готовили план реформ, многие из которых в конечном счете удалось осуществить.

Ведущая роль на подготовительной стадии этого движения принадлежала митрополиту Макарию».

Митрополит Московский и всея Руси Макарий (ок. 1482–1563) канонизирован Русской Православной Церковью в лике святителей. Это был мудрый и высокодуховный человек, великий просветитель своего времени, известный своей литературной, книгописной и редакторской деятельностью. Митрополит Макарий пользовался всеобщим уважением – причем даже у тех, кто не разделял его взглядов. При нем была открыта первая типография в Москве. О широте интересов святителя свидетельствует также поддержка им строительства в Новгороде первой ветряной мельницы на реке Волхов.

«Еще в Новгороде он задумал грандиозный план: собрать все книги (еще рукописные), доступные для чтения “на Русской земле”, другими словами, создать собрание основных произведений христианской литературы, как русских, так и греческих авторов.

Собрание было организовано в форме материалов для чтения на каждый день месяца (“Четьи Минеи”). Ежедневное чтение включало в себя жизнеописания святых, поминаемых в этот день, и выдержки из литературных произведений, написанных этими святыми (если они были писателями). В конце каждого месяца добавлялись анонимные работы и работы неканонизированных авторов на религиозные и моральные темы.

Макарий работал над этим проектом двенадцать лет в Новгороде и продолжал работать в Москве (он завершил собрание в 1552 г.).

С проектом “Четьи Минеи” по духу связан другой замысел Макария – канонизировать русских святых. В это время как раз отмечалась память двадцати русских святых. Первыми среди канонизированных были князья-мученики – Борис и Глеб» (Г. В. Вернадский. Московское царство).

Такой человек не мог не оказать благотворного влияния на юного Ивана Васильевича. Возможно, именно благодаря общению с этим великим духовным мужем Иван IV вырос человеком мыслящим, образованным, впоследствии он не раз демонстрировал несомненный писательский талант. «Первое, что обращает на себя внимание при чтении произведений царя Ивана, – это его широкая (разумеется, на средневековом уровне) эрудиция. Для доказательства своих положений он совершенно свободно оперирует примерами не только из истории Древней Иудеи, изложенной в Библии, но и из истории Византии. Все эти многочисленные сведения у него как бы естественно выплескиваются. Он прекрасно знает не только Ветхий и Новый Завет, но и жития святых, труды “отцов Церкви” – византийских богословов. <...> Поражает память царя. Он явно наизусть цитирует в обширных выдержках Священное Писание. Это видно из того, что библейские цитаты даны близко к тексту, но с разночтениями, характерными для человека, воспроизводящего текст по памяти» (В. А. Кобрин. Иван Грозный).

Считается, что именно митрополит Макарий зародил в уме молодого великого князя идею о богоизбранности православного монарха, под влиянием которой Иван принял решение венчаться на царство. Не без участия митрополита Иван IV решился в 1550 году на созыв первого Земского Собора – подобного еще не было в русской истории. «На двадцатом году возраста своего, – говорится в Степенной книге, – видя государство в великой тоске и печали от насилия сильных и от неправд, умыслил царь привести всех в любовь. Посоветовавшись с митрополитом о том, как бы уничтожить крамолы, разорить неправды, утолить вражду, призвал он собрать свое государство из городов всякого чина». Когда собрались выборные, Царь, говоря речь перед ними, с добрым словом обратился к митрополиту Макарию: «Молю тебя, святой владыко! Будь мне помощник и любви поборник. Знаю, что ты добрых дел и любви желатель».

Иван Грозный испытывал привязанность и чувство признательности к своему духовному наставнику и всегда отзывался о нем с любовью и уважением.

Священнику царского престола. Иван Грозный и Сильвестр

Одним из сторонников митрополита Макария, возможно, известным святителю еще в его бытность архиепископом Новгородским, был священник Сильвестр, урожденный новгородец, известная и весьма интересная личность времени царствования Ивана Грозного. Как и сам царь Иван Васильевич, он неоднозначно оценивается историками – как раз в зависимости от того, какой точки зрения историк придерживается в оценке самого царя.

До сих пор история правления первого русского царя излагается по заложенной еще И. М. Карамзиным на основе сочинений Курбского схеме «двух Иванов», – пишет современный историк А. И. Филюшкин, – хорошего государя в 1550-е гг., времени реформ, времени правления «Избранной рады» – и необузданного тирана после 1560 г., после смерти царицы Анастасии, разгона «Избранной рады» и «облютения» царя. Существование данной схемы – самый главный след в истории, который сумел оставить Курбский. Его глазами историки и литераторы смотрят на Россию XVI в. вот уже больше 300 лет.

Те, кто до сих пор смотрят на русскую историю глазами князя Курбского – диссидента XVI века, перебежчика, с которым царь Иван вел полемику в переписке, несомненно, склонны рассматривать образ Сильвестра, священника Московского Благовещенского собора, исключительно в положительном свете.

Сама история его сближения с Иваном Грозным окутана флером таинственности. Это зарисовка на фоне страшной декорации – сильнейшего пожара, вспыхнувшего в Москве в 1547 году и повлекшего за собой народные волнения. Царю Ивану было тогда всего 17 лет, опыта царствования у него не было. Испугавшись народного гнева, он затворился в Воробьевом дворце.

«В сие ужасное время, когда юный царь трепетал в Воробьевском дворце своем, а добродетельная Анастасия молилась, явился там какой-то удивительный муж именем Сильвестр, саном иерей, родом из Новгорода; приблизился к Иоанну с поднятым, угрожающим перстом, с видом пророка, и гласом убедительным возвестил ему, что суд Божий гремит над главою Царя легкомысленного и злострасного; что огонь Небесный испепелил Москву; что сила Вышняя волнует народ и лиет фиал гнева в сердца людей. Раскрыв Святое Писание, сей муж указал Иоанну правила, данные Вседержителем сонму Царей земных; заклинал его быть ревностным исполнителем сих уставов; представил ему даже какие-то страшные видения, потряс душу и сердце, овладел воображением, умом юноши и произвел чудо: Иоанн сделался иным человеком; обливаясь слезами раскаяния, простер десницу к наставнику вдохновенному; требовал от него силы быть добродетельным – и приял оную», – так вдохновенно описывает знаменательную встречу царя Ивана и иерея Сильвестра И. М. Карамзин в «Истории государства Российского».

История сближения Сильвестра с Иваном Грозным окутана флером таинственности. Это зарисовка на фоне сильнейшего пожара, вспыхнувшего в Москве в 1547 году и повлекшего за собой народные волнения

Далее знаменитый русский историк продолжает немалые восхваления Сильвестра: «Смиренный иерей, не требуя ни высокого имени, ни чести, ни богатства, стал у трона, чтобы утверждать, ободрять юного венценосца на пути исправления, заключив тесный союз с одним из любимцев Иоанновых, Алексеем Федоровичем Адашевым, прекрасным молодым человеком, коего описывают земным ангелом <...>. Сильвестр возбудил в царе желание блага: Адашев облегчил царю способы благотворения. – Так повествует умный современник, князь Андрей Курбский, бывший тогда уже знатным сановником двора».

Карамзин прямо ссылается на Курбского, доверять свидетельствам которого следует с большой осторожностью – сам он оставил о себе весьма недобрую память.

«Перебежав в Литву, Курбский приложил все силы, чтобы сокрушить бывшего друга и сюзерена. Он боролся пером и мечом, писал письма царю, сочинил историю о великом князе Московском, наводил на бывшую родину литовцев и татар, лично во главе литовского войска разгромил 12-тысячную русскую армию. Карамзин принял на веру писания Курбского

и ввел их в свою “Историю государства Российского”. Так изложенные Курбским факты закрепились в историографии, хотя часть опровергнута современными историками» (К. Ю. Резников. Русская история: мифы и факты).

Современный историк С. В. Перевезенцев рисует нам другую картину появления Сильвестра в Москве, в Благовещенском соборе, так близко к царскому престолу: «Сильвестр, выходец из зажиточной новгородской семьи, оказался в Москве в 40-е годы XVI века, когда бывший новгородский архиепископ, ставший в 1542 году митрополитом Московским и всея Руси, Макарий пригласил его из Новгорода в Москву. Еще по Новгороду Макарий знал Сильвестра как “книжного и благочестивого человека”, с которым много сотрудничал, чьи духовные и личные достоинства высоко ценил. Очень скоро Сильвестр стал настоятелем Благовещенского собора. Надо сказать, собор этот в иерархии кремлевских храмов был не простой. Благовещенский собор считался домовою церковью московских великих князей, а благовещенские настоятели исполняли обязанности великокняжеских духовников. Иначе говоря, были духовными наставниками московских государей и им были ведомы все тайны государевых душ. Вот и Сильвестр начал исполнять в Москве столь непростые священнические обязанности» (С. В. Перевезенцев. Духовник).

Впрочем, возможно, в рассказе Курбского соблюдена, по словам Е. Соловьева, «психологическая правда». «В знаменательный и страшный день, когда “не было правительства”, а царь, растерявшись, не знал, что предпринять, – Сильвестр мог принять на себя роль древнего пророка, посланца Божия, и ужаснуть царя, истолковавши, что пожар московский – наказание за его грехи и распутство» (Е. Соловьев. Иоанн Грозный).

Таким образом, благовещенский священник по имени Сильвестр действительно одно время находился рядом с молодым царем, тем не менее однозначной оценки его деятельности нет. Принято считать, что в целом влияние Сильвестра было благотворным. Он входил в просвещенный кружок, сложившийся вокруг царя Ивана, который, опять же вслед за Курбским, принято называть «Избранной радой». Укоренилось мнение, что именно под влиянием этого кружка Иван Грозный совершил немало «блестящих и полезных дел», по словам историка И. Костомарова. Но были ли эти дела совершены действительно под влиянием священника Сильвестра или же здесь чувствуется сильная воля и глубокий разум митрополита Макария, к которому с удовольствием прислушивался Иван Васильевич? Был ли Сильвестр «крупнейшим государственным деятелем» при Иване IV, как порой его называют?

«В научной литературе о нем спорят: с одной стороны, приписывают как одному из руководителей “Избранной рады” выдающуюся роль в проведении реформ 40-50-х годов XVI века, с другой, – предлагают не преувеличивать степень его влияния на Грозного, а заодно и сомневаются в самом существовании упомянутой рады (В. Б. Перхавко. Сын священника Сильвестра).

Книжный муж

Сильвестр, – продолжает историк В. Б. Перхавко, – родился между 1500 и 1510 годами, а вышел он из зажиточных торгово-ремесленных кругов Великого Новгорода, с которыми поначалу и думал связать свою судьбу. Но жизнь рассудила иначе, и там же, в Новгороде, Сильвестр был рукоположен в священнический сан, увлекшись к тому же книжным делом и иконописанием. Долгое время считалось, что именно им создано житие равноапостольной княгини Ольги для «Книги Степенной царского родословия», – лишь недавно установлено, что оно было составлено псковским книжником священником Василием (в иночестве Варлаамом). Есть мнение, что начало нашего книгопечатания не обошлось без Сильвестра. Из «Сказания известно о воображении книг печатного дела» мы знаем об учреждении, так сказать, официальной типографии, однако предполагается, что ей предшествовала другая,

частная, основанная в московском доме Сильвестра, тогда уже благовещенского священника: в этой предполагаемой типографии якобы и начинал свою деятельность в Москве Иван Федоров.

Участие Сильвестра в знаменитом Стоглавом Соборе, суть которого заключалась в разрешении иерархами многочисленных недоумений царя «о различных церковных чинех», выразилось по крайней мере в том, что он в составе представительной делегации доставил соборные материалы бывшему митрополиту Иоасафу в Троицкий монастырь (В. Б. Перхавко. Сын священника Сильвестра).

Не приходится сомневаться в том, что священник Сильвестр был для своего времени человеком образованным, увлеченным собирателем рукописных книг. По стопам отца пошел и его сын Анфим. В датируемой 1653 годом описи Кирилло-Белозерского монастыря, куда был сослан попавший в опалу Сильвестр, восемь книг помечены как принадлежащие ему. Например, на некоторых значится: «Благовещенского попа Селивестра, во иноцех Спиридона, и сына его Анфима».

«Соловецкой обители Сильвестр тоже обильно жертвовал (вполне вероятно, он провел там последние годы жизни). Согласно вкладной книге Соловецкого монастыря, “старец Спиридон, что был благовещенский священник Селивестр, дал 66 книг” – самый, пожалуй, крупный книжный вклад, когда-либо сделанный в обитель. Очевидно, большинство книг оказалось на Соловках по духовному завещанию Сильвестра, но в некоторых из них имеются записи, удостоверяющие, что они пожертвованы еще в ту пору, когда Сильвестр был в фаворе у царя. Причем в этих записях значится также имя его сына Анфима.

Можно лишь гадать, каким образом очутилась в сербском Хиландарском монастыре на Святом Афоне Толковая Псалтирь, на верхней крышке одной из двух частей которой указано: “Благовещенского попа Селивестра и сына его”» (В. Б. Перхавко. Сын священника Сильвестра).

Традиционно в исторической литературе священник Сильвестр изображается как церковный писатель, принимающий участие в составлении «Стоглава», «Степенной книги». «Оставил о себе память как писатель и знаменитый Сильвестр, – пишет А. Д. Нечволодов в книге “Сказание о Русской земле”. – Обыкновенно ему приписывается составление так называемого “Домостроя”, известного свода правил житейской мудрости XVI века. На самом деле, однако, книга “Домострой” составлялась постепенно из многочисленных древнерусских сборников церковного содержания (“Златоструи”, “Измарагды” и пр.), и только последняя глава ее несомненно принадлежит Сильвестру. Эта глава написана в виде послания к его сыну Анфиму, служившему царским приставом у таможенных дел, и его жене, и вкратце повторяет содержание всех остальных глав, почему называется также “Малым Домостроем”».

Сильвестру приписывают также послания, содержащиеся в одном из сборников его библиотеки, но не вызывает возражений принадлежность благовещенскому священнику лишь послания наместнику Казани, князю А. Б. Горбатову. Послания Сильвестра показывают его человеком образованным, обнаруживают знакомство с древней историей, «Посланием на Угру» Вассиана Рыло.

64-я глава «Домостроя» под названием «Послание и наказание от отца к сыну», написанная Сильвестром в виде наставлений сыну Анфиму, весьма интересна тем, что дает нам сведения о самом авторе.

«Видел ты сам, чадо мое, многих ничтожных сирот и рабов, и убогих мужского полу и женского и в Новгороде, и здесь, в Москве, вскормил и вспоил я до зрелости, обучил, кто чему достоин, многих и грамоте, и писать, и петь, которых иконному письму, а каких и книжному искусству, тех серебряному делу и прочим всем многим ремеслам, а кого разной торговлей обучил заниматься».

Анфим, – пишет В.Б.Перхавко в работе, посвященный сыну священника Сильвестра, – в ту пору уже служил в «царской казне у таможенных дел», и благочестивый отец, естественно, не мог обойти вниманием это обстоятельство.

«Служи верою да правдою, без всякой хитрости и без всякого лукавства во всем государском», – наставлял он сына. Понимая, что «у таможенных дел» куда как легко сбиться с пути истинного и что в среде таможенников процветают волокита и вымогательство, Сильвестр находит полезным обратиться к воспоминаниям о своем новгородском торговом прошлом: «Если же сам у кого что купливал, так ему от меня любезное обхождение, без волокиты платеж, да еще и хлеб-соль сверх того, так что и дружба навек, и никогда мимо меня не продаст, и худого товару не дает, и за все меньше возьмет. Кому же что продавал, все честно, а не в обман: кому не понравится мой товар, я назад возьму, а деньги отдам. Ни в купле, ни в продаже ни с кем ни тяжба, ни брань не бывали».

Не без гордости автор констатирует, что у его сына «со многими иноземцами великая торговля и дружба есть...» (В. Б. Перхавко. Сын священника Сильвестра).

Мы видим, что благовещенский священник Сильвестр был заботливым отцом и строгим наставником для своего сына.

Разрыв Ивана Грозного со священником Сильвестром

Основная беда такого интересного и глубокого человека, каким был Сильвестр, заключалась в том, что с присущей ему жаждой строгого учительства он неотступно приступал и к молодому царю Ивану Васильевичу, начисто забывая при этом об огромной разнице между поповским сыном и государем всея Руси.

«Если митрополит Макарий доходящим до почитания расположением Ивана Грозного оказывал на него благотворное нравственное влияние, то Сильвестр прямо сделался временщиком юного царя и, собрав вокруг себя единомышленников, так называемую “Избранную раду”, начал предпринимать определенные шаги к ограничению царской власти. Однако, войдя в возраст, Грозный положил этому конец: в 1560 году “рада” прекратила свое существование, главный реформатор и бывший любимец Алексей Адашев очутился в тюрьме, где вскоре “впал в недуг огненный” и скончался, Сильвестр отправился в Кириллов монастырь, а князь Андрей Курбский едва успел скрыться в Литве» (В. Б. Перхавко. Сын священника Сильвестра).

Благодаря Курбскому теперь мы знаем, что думал о своем духовном наставнике сам Иван IV. Оказавшись за границей, где Грозный не мог его достать, Курбский принялся с жаром осуждать царя за все его прегрешения, не стеснясь при этом прямой клеветы. На что князю, который взял на себя роль пророка, обличающего нечестивого владыку, Грозный справедливо отвечал: «Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивого владыки, пострадать и заслужить венец вечной жизни? Но ради преходящей славы, из-за себялюбия, во имя радостей мира сего все свое душевное благочестие, вместе с христианской верой и законом ты пограл» (Первое послание Ивана Грозного Курбскому).

«Досталось» от Курбского Ивану Васильевичу и за Сильвестра. Впрочем, царь Иван охотно поделился с князем мыслями о своем бывшем наставнике. Невольно складывается впечатление, что письмо изменника послужило для царя поводом выговориться, выплеснуть все свои застарелые обиды. А их было немало, и многие из них нанес царю, увы, священник Сильвестр. Иван Грозный пишет:

«Для совета в духовных делах и спасения своей души взял я попа Сильвестра, надеясь, что человек, стоящий у Престола Господня, побережет свою душу, а он, поправ свои священнические обеты и право предстоять с ангелами у Престола Господня, сперва как будто начал творить благо, следуя Священному Писанию. Поп Сильвестр сдружился с Алексеем [Ада-

шевым], и начали они советовать тайком от нас, считая нас неразумными; вместо духовных стали обсуждать мирские дела, мало-помалу стали подчинять вас, бояр, своей воле, из-под нашей же власти вас выводя, приучали вас прекословить нам и в чести вас почти что равняли с нами, а мелких детей боярских по чести вам уподобляли, <...> потом же окружили себя друзьями и всю власть вершили по своей воле, не спрашивая нас ни о чем, словно нас не существовало, – все решения и установления принимали по своей воле и желаниям своих советников. Если мы предлагали даже что-либо хорошее, им это было неужгодно, а их даже негодные, даже плохие и скверные советы считались хорошими. Так было во внешних делах; во внутренних же, даже малейших и незначительнейших, вплоть до пищи и сна, нам ни в чем не давали воли, все было по их желанию, на нас же смотрели, как на младенцев».

Неужели же это «противно разуму», – задает разумный вопрос Иван Васильевич, – что взрослый человек не захотел быть младенцем? И с горечью продолжает: «Потом вошло в обычай: если я попробую возразить хоть самому последнему из его советников, меня обвиняют в нечестии, как ты сейчас написал в своей нескладной грамоте, а если и последний из его советников обращается ко мне с надменной и грубой речью, не как к владыке и даже не как к брату, а как к низшему, – то это хорошим считается у них».

Никакого доброго чувства к бывшему духовному наставнику не осталось в душе царя Ивана. «Не думай, – пишет он Курбскому, – что я слабоумен или неразумный младенец, как нагло утверждали ваши начальники: поп Сильвестр и Алексей Адашев. И не надейтесь запугать меня, как пугают детей и как прежде обманывали меня с попом Сильвестром и Алексеем благодаря своей хитрости, и не надейтесь, что и теперь это вам удастся. Как сказано в притчах: “Чего не можешь взять, не пытайся и брать”» (Первое послание Ивана Грозного Курбскому).

В ответе на это письмо весьма интересен отзыв Андрея Курбского о Сильвестре: «О, по правде и я скажу: хитрец он был, коварен и хитроумен, ибо обманом овладел тобой, извлек на сетей дьявольских и словно бы из пасти льва и привел тебя к Христу, Богу нашему. Так же действительно и врачи мудрые поступают: дикое мясо и неизлечимую гангрену бритвой вырезают в живом теле и потом излечивают мало-помалу и исцеляют больных. Так же и он поступал, священник блаженный Сильвестр, видя недуги твои душевные, за многие годы застаревшие и трудноизлечимые» (Второе послание Курбского Грозному).

Но подобное лечение явно было не по нраву царю Ивану Васильевичу. Он ясно понимал свое предназначение и высоко оценивал собственное положение.

«Русская земля держится божьим милосердием, и милостью Пречистой Богородицы, и молитвами всех святых, и благословением наших родителей и, наконец, нами, своими государями», – писал Грозный все тому же Курбскому. Таким человеком нельзя было повелевать, нельзя было безнаказанно оказывать на него постоянное давление. В конце концов, после некоторых безрадостных событий, в том числе – смерти горячо любимой жены Грозного Анастасии, возможно, отравленной боярами, – царь Иван Васильевич окончательно отстранил от себя Сильвестра.

«Поп Сильвестр, видя своих советников в опале, ушел по своей воле, – писал он Курбскому, – и мы его отпустили не потому, чтобы устыдились его, но потому, что не хотели судить его здесь: хочу судиться с ним в вечной жизни, перед Агнцем Божиим; а сын его и до сих пор в благоденствии пребывает, только лица нашего не видит».

Так священник Сильвестр, сильный духом и незаурядный человек, лишился возможности влиять на государственные дела и закончил свою жизнь смиренным иноком по имени Спиридон.

Царский духовник митрополит Афанасий

В исторических документах сохранились имена нескольких духовников Ивана Грозного. Некоторые из них только упомянуты, мы не знаем, что это были за люди и какую роль сыграли в жизни великого государя. Но один из них – митрополит Московский и вся Руси Афанасий – личность яркая и интересная.

Царь Иван Грозный ясно понимал свое предназначение и высоко оценивал собственное положение

Он родился в городе Переславле-Залесском, в миру носил имя Андрей. Нес священническое служение в соборной церкви Переяславля. Его духовным отцом был преподобный Даниил Переяславский, предсказавший, что Андрей станет духовником Московского государя. Впоследствии митрополит Афанасий написал житие Даниила Переяславского и его сокращенную переработку для «Степенной книги» – «Сказание вкратце о преподобном старце Даниле Переяславском».

В 1549 или 1550 г. священник Андрей был переведен из Переяславля-Залесского в Москву, стал царским духовником и протопопом придворного Благовещенского собора. В качестве царского духовника не раз упоминается в официальных летописях времени Ивана Грозного. В 1552 году он благословил царя на поход к Казани и сам участвовал в этом походе. Автор «Степенной книги», которым, по всей вероятности, является митрополит Афанасий, сообщает, что во время казанского похода он получил чудесное исцеление от гроба Александра Невского.

Царский духовник беседовал с государем накануне штурма Казани, причащал его в сам день штурма. Он же закладывал в Казани первую православную церковь Благовещения.

Духовный отец царя Ивана по обычаю крестил его детей: в 1554 году – царевича Ивана Ивановича, в 1556 году – царевну Евдокию, впоследствии умершую в возрасте двух лет.

В 1562 году благовещенский священник Андрей был пострижен в Чудовом монастыре с именем Афанасия. Он принадлежал к литературному кружку митрополита Макария и участвовал в его обширных предприятиях. По поручению царя Афанасий навещал святителя во время его предсмертной болезни и передал царю письменную просьбу Макария об удалении в молчаливое житие – что было отклонено царем. Афанасий распоряжался организацией похорон святителя Макария и стал его преемником на митрополичьей кафедре.

В 1564 году царский духовник Афанасий был поставлен русским митрополитом. При отъезде из Москвы накануне введения опричнины Иван IV не взял его с собою. Именно Афанасию адресовано известное послание царя в Москву от 3 января 1565 года с изложением причин, заставивших его покинуть царство. Посольства от имени москвичей в Александрову слободу, принявшие условия введения опричнины, отправлялись официально по поручению митрополита. Однако сам Афанасий опричного террора не одобрял: вопреки воле царя он обращался к нему с ходатайствами за опальных и даже смог «отпечаловать» у него боярина И. П. Яковлева и князя М. И. Воротынского (подпись и печать Афанасия имеются на их крестоцеловальных записях царю).

19 мая 1566 года «Афанасей, митрополит всяя Руси, оставя митрополию за немощию велию, сшел с митрополича двора в монастырь к Михайлову Чюду». В июле 1566 года он выполняет по приказанию царя ответственную иконописную работу – подновляет Владимирскую икону Божией Матери. Это последнее летописное известие о митрополите Афанасии. Возможно, что он участвовал в создании миниатюр «Летописного лицевого свода».

Перу Афанасия, кроме жития Даниила Переяславского, принадлежит также похвальное слово на перенесение мощей Николая Чудотворца, изданное Е. В. Барсовым, – «многогрешнаго, и грубаго, и недостойнаго прозвитера Андрея, бывшаго причетника и клирика соборныя церкви и апостольския в русских странах преименитаго града Москвы слово похвално...» П. Г. Васенко убедительно доказывает, что митрополит Афанасий является также автором одного из самых знаменитых литературно-исторических памятников XVI в. – «Степенной книги».

Такие удивительные, щедро одаренные Богом люди окружали царя Ивана Васильевича Грозного, помогали ему своими духовными советами и наставлениями. О том, что воспринял царь из их наставничества, а чем пренебрег, трудно сейчас судить. Ясно лишь одно – первый русский царь, общаясь с лучшими церковными людьми, сам был выдающейся, далеко не заурядной личностью.

«В научной и художественной литературе, в публицистике и поэзии существует масса версий, объясняющих те или иные деяния первого русского царя. Ответов на сегодняшний день дано много. И все же эти ответы, это наше знание свидетельствуют лишь об одном – мы более или менее осознали некие объективные причины, которые могли подвигнуть Ивана Грозного на определенные поступки. Но вот мотивы поведения самого Ивана Грозного нам до сих пор, в принципе, ясны далеко не до конца.

А проблема в одном – современному сознанию, в большей степени рационалистическому и даже атеистическому, совсем не просто проникнуть во внутренний мир человека, живущего совершенно по другим законам. По законам глубоко религиозно-мифологическим. Такое было время тогда, в XVI столетии. Такими были и люди», – подводит итог С. В. Перевезенцев.

Последний Рюрикович. Царь Феодор Иоаннович

Молитвенник на троне

Судьба детей царя Ивана Васильевича Грозного сложилась трагично. Хотя один из его сыновей, от любимой жены Анастасии Романовны, принял наследие отца, поцарствовал на Руси, но и он угас, не дожив до старости. О нем мало помнят, в истории Федор Иоаннович остался в тени как своего знаменитого отца, так и яркой личности шурина – Бориса Годунова, на сестре которого, Ирине, он был женат. А между тем царь Федор являл собой редкий и самобытный, истинно русский образ – молитвенника на троне.

Все дошедшие до нас свидетельства говорят, что Федор Иоаннович отличался глубокой религиозностью, любил длительные церковные службы и даже пел на клиросе. Мало того – после смерти он стал почитаться народом как местночтимый святой.

Историк и писатель Дмитрий Володихин рисует притягательный образ благочестивого правителя, приводя свидетельства современников царя Федора. Он пишет: «Знаменитый публицист XVII века Иван Тимофеев, автор историко-философского трактата “Временник”, писал о сыне Ивана Грозного с восхищением, в тонах превосходной степени. Самому Ивану Васильевичу не досталось и трети таких похвал – с ним Тимофеев обошелся без особого пиетета».

Для того чтобы понять, как далеко простирался восторг Ивана Тимофеева, стоит привести обширную цитату из его произведения: «Своими молитвами царь мой сохранил землю неврежденной от вражеских козней. Он был по природе кроток, ко всем очень милостив и непорочен и, подобно Иову, на всех путях своих охранял себя от всякой злой вещи, более всего любя благочестие, церковное благолепие и, после священников и монашеский чин и даже меньших во Христе братьев, ублажаемых в Евангелии самим Господом. Просто сказать – он всего себя предал Христу и все время своего святого и преподобного царствования; не любя крови, как инок, проводил в посте, в молитвах и мольбах с коленопреклонением – днем и ночью, всю жизнь изнуряя себя духовными подвигами... Монашество, соединенное с царством, не разделяясь, взаимно украшали друг друга; он рассуждал, что для будущей

жизни одно имеет значение не меньше другого, являясь нераспрягаемой колесницей, возводящей к небесам. И то и другое было видимо только одним верным, которые были привязаны к нему любовью. Извне все легко могли видеть в нем царя, внутри же подвигами иночества он оказывался монахом; видом он был венценосцем, а своими стремлениями – монах».

«Исключительно важно, – продолжает Д. М. Володихин, – свидетельство неофициального, иными словами, частного исторического памятника – “Пискаревского летописца”. От неподконтрольного правительству летописного повествования естественно ждать оценок, радикально расходящихся с теми, которые “спущены сверху”».

Что же сообщает «Пискаревский летописец» о Федоре Ивановиче? О нем сказано столько доброго, сколько не досталось никому из русских правителей. Его называют «благочестивым», «милостивым», «благочестивым», на страницах летописи приводится длинный список его трудов на благо Церкви. Кончина его воспринимается как настоящая катастрофа, как предвестие худших бед России: «Солнце померче и преста от течения своего, и луна не даст света своего, и звезды с небеси спадоша: за многи грехи христианския преста-вися последнее светило, собратель и облагодатель всея Руския земли государь царь и великий князь Феодор Иванович...» Обращаясь к прежнему царствованию, летописец вещает с необыкновенной нежностью: «А царствовал благоверный и христоролюбивый царь и великий князь Феодор Иванович... тихо и праведно, и милостивно, безметежно. И все люди в покое и в любви, и в тишине, и во благоденстве пребыша в та лета. Ни в которые лета, ни при котором царе в Руской земле, кроме великого князя Ивана Даниловича Калиты, такие тишины и благоденства не бысть, что при нем, благоверном царе и великом князе Феодоре Ивановиче всея Руси».

Далее историк Д.М.Володихин перечисляет славные дела царствования Федора Иоанновича:

«Именно при Федоре Ивановиче на Руси было введено патриаршество.

Ни в которые лета, ни при котором царе в Русской земле такие тишины и благоденства не бысть, что при нем, благоверном царе и великом князе Феодоре Ивановиче вся Русь

За все годы его правления крымцы не сумели пробить брешь в русской обороне, а вот Иван Васильевич в 1571 году позволил им сжечь столицу.

На Урале и в Западной Сибири подданным русского царя удалось закрепиться лишь при Федоре Ивановиче. Атаман Ермак, начавший войну с Крымским ханством еще при Иване Васильевиче, как известно, был убит, а войско его разгромлено. Зато служилые люди с именами не столь знаменитыми несколько лет спустя сумели успешно продвинуться в том же направлении.

Наконец, Иван Грозный проиграл главную войну своей жизни – Ливонскую. Он не только утратил все завоеванное неимоверными усилиями, но и отдал врагу часть Новгородчины. При Федоре Ивановиче грянула новая война. Царь лично отправился в поход и участвовал в боевых действиях. Отпустили бы правителя с полками, если бы он был беспомощным идиотом? И кого могла бы вдохновить в войсках подобная фигура? Очевидно, что государь в глазах десятков тысяч военных людей не выглядел ни “юродивым”, ни “помешанным”. В результате ожесточенной борьбы Россия отбила тогда у шведов Ям, Копорье,

Ивангород и Корелу. Москве удалось добиться частичного реванша за прежнее поражение в Ливонии» (Д.М. Володихин. Царь Федор Иоаннович. Когда на троне блаженный).

Царь Федор скончался 7 января 1598 года. Перед смертью он, по свидетельству святого патриарха Иова, беседовал с кем-то незримым для других, именуя его великим Святителем, а в час кончины царя в кремлевских палатах ощущалось благоухание. Сам патриарх совершил таинство Елеосвящения и причастил умирающего царя Святых Христовых Таин.

Царь Федор Иоаннович умер, не оставив потомства, и с его смертью прекратилась династия Рюриковичей. Погребен он был в Архангельском соборе Московского Кремля.

Вскоре после кончины Федора Иоанновича началось его почитание в числе местно-чтимых московских святых. Святой патриарх Иов составил «Повесть о честном житии царя Федора Иоанновича». Уже с начала XVII века известны его иконные изображения в нимбе. В «Книге глаголемой описание о Российских святых» (1-я половина XVII века) царь Федор поставлен в лике московских чудотворцев. В некоторых рукописных святцах в числе московских святых указана и его супруга, царица Ирина, во иночестве Александра. Память святого Феодора совершается в день его преставления 7 (20) января и в неделю перед 26 августа (8 сентября) в Соборе московских святых.

Царский духовник протопоп Елевферий

О духовнике царя Федора Иоанновича, благовещенском протопопе Елевфери, сведений почти не сохранилось. Однако, зная благочестие этого государя, можно утверждать, что он с уважением и почитательностью относился к своему духовному отцу. Насколько сильно царь почитал своего духовника, видно из одной детали: при венчании Федора Ивановича на царство, несмотря на присутствие митрополитов, архиепископов и епископов, именно протопоп Елевферий возглавил шествие от Архангельского собора к Успенскому, неся на голове «животворящий крест», «царский венец» и «диадиму». Почеть необычайно высокая.

Историк С. М. Соловьев, рисуя в «Истории России с древнейших времен» картину христианской жизни Федора Иоанновича, вводит в нее и царского духовника: «Обыкновенно встает он около четырех часов утра. Когда оденется и умоется, приходит к нему отец духовный с крестом, к которому царь прикладывается. Затем крестовый дяк вносит в комнату икону святого, празднуемого в тот день, перед которой царь молится около четверти часа. Входит опять священник со святою водой, кропит ею иконы и царя...»

Нет сомнения, что протопопу Елевферию надлежало быть человеком глубоко и искренне благочестивым, чтобы удовлетворить духовные запросы христианина такой высокой жизни, как царь Федор Иоаннович.

Царь и патриарх

Первый царь новой династии

«Мало в истории найдется примеров, когда бы новый государь вступил на престол при таких крайне печальных обстоятельствах, при каких избран был шестнадцатилетний Михаил Федорович», – пишет русский историк Николай Костомаров.

Смерть сыновей Ивана Грозного – бездетного Феодора и малолетнего Дмитрия, положившая конец династии Рюриковичей; борьба за власть среди боярской верхушки; поразивший народ великий голод – все это привело к тяжелейшему периоду в русской истории, известному как Смутное время. Россия пережила междуцарствие, притязания на трон самозванцев, оккупацию интервентов – на фоне сильнейшего экономического кризиса. Столица была захвачена. Страна находилась в отчаянном положении.

Спасение пришло от самого русского народа, вставшего под знамена Козьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского, которые собирали ополчение для схватки с оккупантами. Конечно же, были у патриотов и духовные лидеры, и высокие примеры молитвенного и жертвенного служения представителей Церкви в это тяжелое смутное время.

«Святой патриарх Гермоген спас Россию в смутные годы XVII века, став за отсутствием государя “начальным человеком земли Русской” и погиб, защищая ее. Иерархи, иноки Троице-Сергиевой лавры, исповедники помогли патриарху в его патриотическом делании. Обитель преподобного Сергия, Печерский монастырь под Псковом, Боровский монастырь, Тихвинская обитель с оружием отбивались от врагов, отстаивая православие и отчизну. Затворники – преподобный Иринарх Ростовский и блаженный Иоанн Псковский, “что в стене жил 22 лета, ял же его рыба сырая, а хлеба не ел, а жил в граде, яко же в пустыни

в молчании великом», – подвиг свой обратили на служение Родине и вдохновляли русских людей на священную борьбу», – пишет историк Н.Тальберг в книге «Святая Русь».

Прозорливый старец Иринарх, подвизавшийся в Борисоглебском монастыре, носивший вериги и удивлявший братию строгостью монашеской жизни, благословил ополчение Минина и Пожарского. «Преподобный Иринарх следил за ходом войны и послал князю Димитрию Пожарскому свое благословение и просфору. Он велел ему идти под Москву, предсказав: “Увидите славу Божию”. В помощь Пожарскому и Минину преподобный передал свой крест. С помощью Божией русские одолели литву, князь Пожарский овладел Кремлем, и в Русской земле постепенно начал водворяться мир. Старец Иринарх по-прежнему непрестанно молил Бога со слезами об избавлении Руси от врагов и, обладая силой творить чудеса, исцелял больных и бесноватых».

Когда поляки были изгнаны из Москвы, стало возможным избрать наконец нового русского царя. Для этого 21 февраля 1613 года в столице был созван великий Земский и Поместный Собор, на который прибыли представители всех сословий России. Была поднята кандидатура юного Михаила Федоровича Романова – по женской линии он имел наиболее близкое родство с угасшей династией Рюриковичей, был внучатым племянником Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой, первой, горячо любимой супруги Ивана Грозного. Его отец, митрополит Филарет, приходился двоюродным братом последнему из Рюриковичей – рано умершему сыну Грозного царю Федору Иоанновичу.

В миру митрополит Филарет носил имя Федор Никитич, он был умным, прекрасно образованным и харизматичным человеком, искусным дипломатом, вполне способным к управлению страной. Кроме того, боярин Романов был весьма популярен в народе. Конечно, это вызывало серьезные опасения у занимавшего тогда престол Бориса Годунова. Поэтому Федор Никитич Романов и его супруга были насильно пострижены в монахи. В 1606 году, после смерти Годунова, бывший боярин Федор, а нынешний инок Филарет был возвращен из ссылки и хиротонисан во епископа Ростовского с возведением в сан митрополита. В то время, когда на престол избирали государя, он находился в польском плену.

Нравственный облик Михаила как сына митрополита отвечал еще и интересам Церкви, соответствовал народным представлениям о царе-пастыре, заступнике перед Богом.

Узнав об этом, поляки совершили попытку помешать новому царю прибыть в Москву. Небольшой польский отряд отправился в Ипатьевский монастырь убить Михаила Федоровича, но по дороге воины заблудились, потому что крестьянин Иван Сусанин, согласившись показать нужную дорогу, завел их в дремучий лес.

В то время, когда было принято решение о возведении на престол представителя династии Романовых, шестнадцатилетний Михаил находился с матерью-инокиней в Костроме, в Ипатьевском монастыре.

На Земском Соборе понимали, как трудно будет склонить мать-инокиню благословить сына на царство, а сына – принять царство, и потому назначили в Кострому посольство из мужей духовно мудрых и именитых, а во главе его поставили опытного в делах веры и благочестия, благодатного архиепископа Рязанского Феодорита. В напутствие себе и посольству принял он от лица Собора святыню Москвы – икону Успения Пресвятой Богородицы, написанную святым митрополитом Петром, образ самого святителя Петра с сопрестольниками его святителями Алексием и Ионою, московскими чудотворцами.

14 марта, в воскресенье четвертой недели Великого поста, по совершении заутрени, архиепископ Феодорит облачился в святительские одежды, благословил облачаться в ризы всему бывшему с ним духовенству и, подняв кресты и иконы, посольство стало переправляться через Волгу.

Храмы близлежащих костромских сел приветствовали посольство колокольным звоном. К шествию посольства архиепископа Феодорита присоединилось – в сопровожде-

нии горожан – все костромское духовенство с крестами, хоругвями и чудотворной иконой Божией Матери Феодоровской. Единый торжественный крестный ход направился вдоль берега к Ипатьевской обители. Навстречу из стен монастыря вышел крестный ход иноков в сопровождении будущего царя и его матери-инокини. Печаль лежала на кротком лице Михаила и его матери: они предчувствовали, что ради них устроено это торжество.

«Такая почесть мне и на мысль не всходила, – молвил Михаил, – вручите державу мужам, заслугами прославившимся и паче меня того достойными».

Потрясенный отказом, молил рязанский святитель Михаила и мать его, инокиню Марфу Иоанновну, не противиться Промыслу Божию. Но мать и сын оставались непреклонны. И тогда представил им архиепископ Феодорит, какие великие бедствия ждут Россию, со святыми образами вновь пришел к ним и молил не оставлять землю Русскую.

И, собрав силу духа, Марфа Иоанновна молвила:

– Вот вам жертва, от меня требуемая, жертва Отечеству... Когда Богу так угодно, да будет так. Я благословляю Михаила Феодоровича на царство. Став царем, да будет первым слугою Отечества.

– Премудрость Божия осенит его, и десница Вышнего совершит все его начинания! – воскликнул архиепископ Феодорит.

И когда государь сел на царском кресле, произнесено было многолетие, и наречен был Михаил Феодорович «всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцем»

Михаил, преклонив чело свое под благословение архиепископа Феодорита, с преданностью воле Божией молвил:

– Когда есть на то воля Божия и воля государыни матери моей, да будет так.

И когда государь сел на царском кресле, произнесено было многолетие, и наречен был Михаил Феодорович «всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцем». Архиепископ Феодорит с собором духовенства и народом, принося государю верноподданническое поздравление, поклонились ему до земли.

Конечно же, стать во главе страны в столь тяжелое время – это был духовный подвиг. Не окончена была война с Польшей и со Швецией, враги России выдвигали своих претендентов на престол, повсюду нестроения, голод, нищета озлобляли людей и ввергали их в уныние...

Но хотя смута не прекратилась с избранием царя, все же это был важнейший шаг к окончательной победе, и юный Михаил Федорович Романов сделался со временем символом национального и государственного возрождения.

Личность царя Михаила Федоровича Романова

По существу, всю первую половину XVII века можно было назвать временем Михаила Романова. И не только потому, что он являлся главой Русского государства; Михаил наложил свою глубоко личную печать на все процессы, которые в нем протекали. Так каким же человеком был первый царь из династии Романовых? Если говорить коротко, то это был умный, спокойный, осторожный, но твердый в своих уже принятых решениях человек. Он не обладал деспотическими чертами своих предшественников, но прекрасно осознавал всю огромность своей власти. Но пользовался ею осмотрительно, многократно советуясь со своим окружением. Михаил был глубоко верующим и богомольным человеком, и многие поступки в качестве правителя соотносил с христианской моралью и заветами Евангелия.

Он сел на русский трон отроком. Умер же в 1645 году, когда ему едва исполнилось 50 лет. Таким образом, Михаил правил Россией практически всю свою сознательную взрослую жизнь – 32 года. Поначалу он находился под сильным давлением своих родственников – властной матери и ее родственного окружения, позднее – под опекой властного и сильного духом отца, который к тому же являлся патриархом. Казалось, что Михаил порой сгибался под тяжестью этого давления. Но такое впечатление обманчиво. Тяжелое и суровое детство, сиротская судьба при живых родителях, долгая ссылка, скитания по России, постоянная опасность со стороны политических противников закалили его характер и в то же время настраивали на философско-религиозный склад мышления: все в руках Божиих. Поэтому очень быстро ошиблись те, кто полагал, что перед ними натура, которую можно было лепить как воск. В личных вопросах он мог уступить; в государственных – никогда, если считал, что это противоречит интересам страны, как он понимал их.

Его широкий и спокойный подход к делам государственным проявился уже в первые годы правления. Несмотря на то что рядом с ним в руководстве страной стали родственники отца и матери, которые порой стремились свести счеты со своими бывшими противниками периода Смуты, Михаил сумел сохранить равновесие всех общественных сил и не дал возможности для мщения. Он никого не казнил и никого не подверг опале. Пострадали лишь заведомые враги единства государства, противники его как избранного царя и всякие «лихие» люди – казаки-бунтари, воры, грабители и среди них остатки польских воинских отрядов. Все они были сурово наказаны. Жестоко пресекал Михаил и вспышки бунтов русских крестьян и посадских людей.

Добытую с таким трудом царскую власть Михаил оберегал как всенародное достояние. Покушение на нее рассматривал как покушение на единство и благополучие государства, как признак новой Смуты. Постепенно и неуклонно тем самым он положил начало самодержавию в России.

Михаил самолично проводил Земские соборы, выступал на них с речами по ключевым вопросам жизни страны. Он руководил обсуждением важнейших вопросов внутренней и внешней политики государства. В критические моменты его слово было решающим. Так, он удержал Россию от войны с Крымом, а позднее с Турцией из-за Азова, потому что страна не была готова к такому противоборству.

Авторитет царя медленно, но неуклонно рос. И вскоре никому не могло прийти в голову рассматривать его как слабого и поддающегося влияниям человека.

Смолоду крепкий и сильный, любящий охоту на лося и медведя, Михаил уже к тридцати годам часто болел. Он вел малоподвижный образ жизни: сидение за столом над документами, бумагами, стояние на коленях перед иконами и бесконечные молитвы... Одновременно он испытывал постоянные нервные нагрузки: страна выходила из Смуты тяжело, с большими потерями, частыми войнами. Все невзгоды времени царь пропускал через себя – это были и его невзгоды. У него стали болеть ноги, его часто от возка и в возок носили в кресле дюжие слуги. От постоянного чтения при свечном освещении он потерял остроту зрения и начал пользоваться очками.

У каждого человека есть свои привычки, слабости, увлечения. Были они и у Михаила. Он страстно любил часы, коллекционировал их. По его приказу часы встраивались в кремлевские башни, чтобы все желающие могли узнать точное время. И еще он любил всяких диких зверей и дикие вещи, которые ему привозили в подарок из разных стран. Таков был этот человек с нелегкой судьбой, с тяжелой государственной ношей на своих плечах, человек, имевший громадное влияние на судьбы страны в XVII веке.

Он умер на следующий день после своих именин в 1645 году. Чувствуя приближение кончины, Михаил простился с семьей, благословил сына Алексея на царство, затем исповедовался и приобщился Святых Таин. Вместе со смертью Михаила закончился долгий и трудный период выхода страны из Смуты... (А. Сахаров. Личность царя Михаила Федоровича).

Патриарх всея Руси, великий государь Филарет

В годы царствования Михаила Федоровича Романова сложилась уникальная ситуация – страной правили одновременно сын и отец, царь и патриарх. Патриархом Московским и всея Руси был избран вернувшийся из польского плена в Москву митрополит Филарет, бывший боярин Федор Никитич Романов.

С этого момента (1619 г.) на Руси фактически было два государя: Михаил – сын, Филарет – отец. Государственные дела решались обоими, отношения между ними, по данным летописей, были дружелюбными, хотя патриарх имел большую долю в правлении. С приходом Филарета кончилось смутное и безвластное время.

Этот период в правлении был назван Двоевластием. Патриарх Филарет носил титул «Великого государя». Михаил Федорович же принял в 1625 году титул «Самодержец Всероссийский».

В годы царствования Михаила Федоровича сложилась уникальная ситуация – страной правили одновременно сын и отец, царь и патриарх.

«Патриарх Филарет – страдалец земли Русской, испил до дна чашу горечи и унижения. Счастлив он был только во дни юности и старости, а двадцать лет почти непрерывных страданий разделяют черной полосой его светлые годы. Клевета, страх пыток, изгнание, насильственная разлука с дорогими сердцу и насильственный постриг, лишение почестей, богатства, свободы, плен, поругание – вот беды, обрушившиеся одна за другой на Филарета непрерывной цепью. Дважды он был взят в плен (Тушинским вором и поляками) и 10 лет томился в последней неволе. Трижды избирался в патриархи: Василием Шуйским назначен и низложен в мае 1606 г.; в Тушинском лагере Филарет опять был признан патриархом и к рассылаемым им грамотам прилагал патриаршую печать, но полную патриаршую власть он получил только после возвращения из плена.

В это время на царство был избран его юный сын Михаил. Как отец юного царя и человек государственного ума и политической опытности, он стал первенствующим в направ-

лении государственных дел и придворных отношений. Пользовался большим авторитетом и влиянием. Он отличался большим умом, любознательностью и начитанностью, был приветлив. По наружности отличался такой красотой, что не было в Москве человека мужского пола красивее его, так что его красота вошла в пословицу. Политическая сторона деятельности Филарета виднее, чем церковная. С его именем связаны все государственные и дворцовые события, происходившие в Москве с 1619 по 1633 г.

В делах церковных он всячески поддерживал чистоту православия. При нем было усилено книгопечатание, он много заботился об исправлении богослужебных книг, открывал школы, учредил Греко-славянское училище в Чудовом монастыре. Строил и украшал храмы, был милостив к духовенству, щедр для нищей братии, заботился о благолепном праздновании церковных торжеств и порядке в службе. При нем составлен целый устав о трезвонах, за выполнением которого он строго следил. «Был опаличив и мнителен, а такой владетельный, что и сам царь его боялся». Строгий к провинившимся, но справедливый. Любил во всем порядок, был расчетлив, нерасточителен, скромен и прост в своих издержках – менял верх на шубе, отдавал старые сапоги в починку, с необыкновенной предосторожностью отдавал чистить и мыть свой единственный белый шелковый вязаный клобук с шитым золотом и серебром херувимом.

Ему постоянно покупали к столу на рынке «хлеб да калачик на 4 или на 3 деньги и на 2 деньги клюквы». Покупка оловянной да деревянной посуды, в свою очередь, свидетельствовал о простоте повседневных потребностей этого святителя.

Духовники царя Михаила

Патриарх Филарет, который, по словам летописца, «не только слово Божие исправлял, но и земскими делами правил», видится нам и духовным наставником своего царственного сына. Но история сохранила для нас имена и официальных духовников Михаила Федоровича Романова.

По традиции, начавшейся с периода правления великого князя Василия III, духовником главы Российского государства являлся настоятель (протопоп) Благовещенского собора Московского Кремля.

Патриарх Филарет, который, по словам летописца, «не только слово Божие исправлял, но и земскими делами правил», был и духовным наставником своего царственного сына

Царские духовники участвовали во всех важнейших событиях в жизни монарха и его семьи: венчании на царство, наречении имени и крещении царских детей, погребении. До середины XVI века царский духовник участвовал в заседаниях Боярской думы. Царские духовники получали особое содержание, которое состояло из денежного жалования «на поденный корм и на милостыню нищим, неокладных дач товарами и деньгами, а также подарков деньгами и ценными вещами от царской семьи». Духовникам также жаловались земельные владения.

Продолжая традицию, заведенную со времен Василия III, Михаил Федорович имел в духовниках служителей Благовещенского собора. Среди них протопопы Кирилл, Максим, Иоанн, Никита.

В таком знаменательном для России событии, как венчание на царство первого Романова, принимал участие духовник Михаила Федоровича протопоп Кирилл:

«Перед выходом в собор государь, сев в Золотой палате на свое царское место, пожаловал в бояре стольников князя Черкасского и знаменитого князя Пожарского. После того государь послал за царским “саном”, или “чином”, хранившимся на казенном дворе. По царскому указу пошел туда царский духовник, благовещенский протопоп, с двумя дьяконами, новопожалованным боярином князем Пожарским, царским казначеем и двумя дьяками. Держа золотое блюдо, обделанное драгоценными камнями, на голове, духовник царский нес на нем крест, диадему, венец и цепь. За ним князь Пожарский нес скипетр; казначей Траханиотов нес “яблоко”, или державу; дьяк Василий Сыдавный другое золотое блюдо, а дьяк Шапилов – “стоянец” с углублением, в который влагалась нижняя часть державы. Когда эти регалии были внесены в Золотую палату, то государь, находившийся там, снял шапку и, отдав держать ее боярину Ивану Никитичу Романову, сам приподнял пелену на первом блюде, взял крест и приложился к нему, а потом, накрыв блюдо, отпустил шествие в Успенский собор. На паперти собора встретил эти регалии митрополит Ефрем и, приняв их от несших, разместил их на приготовленных для того аналоях и послал боярина Морозова и царского духовника известить государя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.